

«В главном - единство, в спорном - свобода, во всем - любовь»

Блаженный Августин

ИЗДАНИЕ НОВОСИБИРСКОЙ ЕПАРХИИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

ПРАВОСЛАВНАЯ СЕМЬЯ

3/2015
выпуск № 31

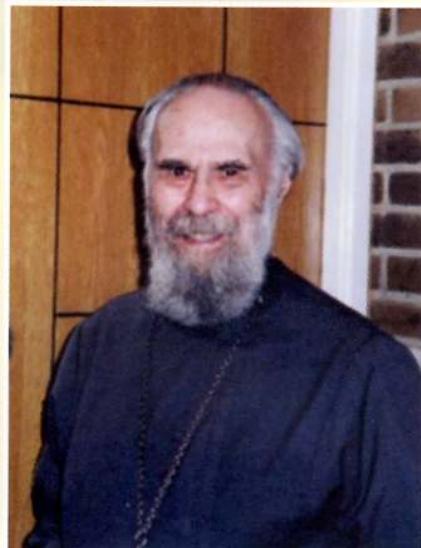
Выпускается по благословению Высокопреосвященнейшего Тихона, митрополита Новосибирского и Бердского

Тело - храм души

Неделя 6-я по Пятидесятнице. Исцеление расслабленного

Тогда Он, войдя в лодку, переправился обратно и прибыл в Свой город. И вот, принесли к Нему расслабленного, положенного на постели. И, видя Иисуса веру их, сказал расслабленному: дерзай, чадо! прощаются тебе грехи твои. При сем некоторые из книжников сказали сами в себе: Он богохульствует. Иисус же, видя помышления их, сказал: для чего вы мыслите худое в сердцах ваших? ибо что легче сказать: прощаются тебе грехи, или сказать: встань и ходи? Но чтобы вы знали, что Сын Человеческий имеет власть на земле прощать грехи, — тогда говорит расслабленному: встань, возьми постель твою, иди в дом твой. И он встал, взял постель свою и пошел в дом свой. Народ же, видев это, удивился и прославил Бога, давшего такую власть человекам.

Евангелие от Матфея, 29 зачало, глава IX, стихи 1-8

Зачем Господь дал нам тело?

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Когда мы читаем евангельские отрывки о том, как Христос воскресил мертвого или исцелил тело человека, мы редко задумываемся о том, что человеческое тело означает для Самого Бога, с любовью создавшего его для вечной жизни, и что оно должно бы означать для нас самих. Если бы наше тело не было бы Богу дорого, так же дорого и нежно любимо Им, как и наша вечная душа, Бог не стал бы исцелять тело или заботиться о его вечной жизни после воскресения мертвых.

И когда мы задумываемся о человеческом теле, будь то в связи с вечностью или с временной жизнью, в связи ли с земным или небесным, мы можем поставить себе вопрос: разве мы не получаем все наше знание, о Боге или о тварном мире, через тело? С младенчества, с самого рождения нашего мы познаем нежность и любовь через посредство нашего тела, задолго до того, как можем постигнуть что-либо умом.

Затем мы возрасталяем в познании, мудрости, опытности; все, чем владеет наш ум, все, что делает наши сердца такими богатыми, достигает до нас через наши чувства. Апостол Павел сказал: вера от слышания, а слышание — от слова Божия... Красоту человеческого лица, и окружающего мира, и всего, что человек сумел создать прекрасного и значительного, мы воспринимаем через зрение. И можно перечислить и дальше все наши чувства, которые, как дверь, открываются на

созерцание красоты и смысла творческого мира, а через него — на созерцание вечности: вечной красоты Божией, сияющей во всем Его творении.

Вот почему с такой любовью Христос совершал исцеление тела; этими исцелениями Бог со всей силой являет вечность воплощенного бытия. Поэтому же, когда кто-то умирает, мы окружаем его — или ее — тело такой нежностью и таким благоговением. Это тело сотворено Богом, в это тело Он вложил всю Свою любовь.

И больше того: Он Сам стал человеком, Сам Живой Бог облекся в плоть и явил нам не только, что человек так построен, так велик, так глубок, что может соединиться с Богом, стать причастником Божественной природы, но что самое тело наше способно быть Духоносным, поистине Богоносным. Какое это диво!

И мы также видим, что Свою вечную жизнь Бог сообщает нам через вещества земли: через крецеральные воды, которые становятся источником вечной жизни, через хлеб и вино, пронизанные Его Божеством, — и нашим телом мы приобщаемся Самому Богу в Его таинствах. Как дивно наше тело, и с каким благоговением мы должны относиться к нему!

Зачаточно тело свято; оно призвано к вечному общению с Богом, так же, как и душа. Оно любимо Богом. Не напрасно апостол Павел говорит: Прославляйте Бога и в

телах ваших, и в душах ваших... Прославляйте: дайте Богу сиять через ваше тело, как Он может сиять через вашу душу; пусть ваше тело будет таким, чтобы соприкосновение с ним было бы соприкосновением с Воплощением, с тайной Бога, ставшего человеком.

Задумаемся над этим; потому что часто — о, как часто! — мы не отдаем себе отчета о вечной красоте и величии нашего тела. И так часто мы думаем о смерти как о мгновении, когда бессмертная душа вступает в Божественную жизнь, а тело распадается в прах. Да, оно обращается в прах; но у него вечное призвание: оно поистине воскреснет, как воскрес Христос.

И все мы однажды предстанем перед Богом воплощенными, с телом преображенными, как преображено тело Христово, с душой, обновившейся вечностью, и будем общаться с Богом в любви, в вере и в молитве не только душой, но вместе со всем сотворенным станем причастником Божественной природы и душой, и телом: душой и телом, когда, по обетованию Божию через апостола Павла, Бог будет все во всем, и ничто не останется вне Божественного общения, Божественной Славы.

Какое это диво! Какая дивная тайна: тело, такое, как будто, хрупкое, такое преходящее, может зачаточно принадлежать вечности и уже сияет славой во святых. Аминь!

3 августа 1986 г.
Митрополит Антоний Сурожский

СЛОВО РЕДАКТОРА

Как Православие относится к телу? На этот вопрос есть прямой ответ в Новом Завете. Апостол Павел в первом послании к Коринфянам говорит о человеческом теле как о «храме Святого духа» (1Кор. 6:19). «Поэтому прославляйте Бога и в телаах ваших и в душах ваших, которые суть Божьи» (1 Кор. 6:20) Отношение к телу в христианстве определяется тем, что Бог стал человеком. У Него было такое же тело, как у всех нас. Христианство определено утверждает, что одна душа без тела даже и человеком называться не может. Этой теме посвящено множество богословских исследований. Одну из работ современного богослова митрополита Иллариона мы предлагаем нашим читателям в рубрике «Наше наследие».

Смерть — разлучение души с телом — неестественное и временное состояние людей, и наступит день всеобщего воскресения, когда свои же, но преображеные тела получат все люди. Как подготовиться к смерти? Как встретить кончину близкого человека? На эти непростые, но важнейшие для всех нас вопросы ищет ответ автор в рубрике «Размышления о вечном».

До какой степени должны простираться наши заботы о теле? Как быть, если тело поразила болезнь? Есть ли связь между болезнью и грехом? Читаем статью в рубрике «Мысли вслух», чтобы попытаться найти ответ на эти и другие вопросы.

Человек есть то, что он ест — насколько это утверждение истинно? Забота о здоровой еде в свете огромного количества продуктовых заменителей и опасных для жизни продуктов — важная составляющая здоровья. Об этом — статья в рубрике «Актуальная тема».

Человеческое тело — драгоценный дар Бога человеку, и забота о нём — не грех. Об этом статья в рубрике «Ваше мнение». Но наши тела стареют, это неизбежный и нелёгкий для любого человека процесс. Эссе о старости — в рубрике «О личном».

Читателей ждут литературные страницы с продолжением темы «Времена года», для детей и подростков увлекательные рассказы из библейской истории, продолжение повести «Дедушкин чердак» и сказка для малышей.

В новой рубрике «Из жизни прихода» настоятель о.Александр Реморов рассказывает о новом проекте — важной стройке на территории прихода.

Уважаемые читатели, просим Вашей поддержки!
Пожертвовать на издание нашего журнала можно пополнив счет
редакционного телефона 8-923-101-58-52 на любую сумму

Журнал «Православная семья», издание Новосибирской епархии Русской Православной Церкви. Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви, свидетельство № 115 от 01.08.2011г.

Главный редактор: протоиерей Дионисий Михалев. Редактор: Лютина Ю.В.

Редакционный совет: Тихобаев Ю.П., Чернакова Е.О., Каргополова Е.В.

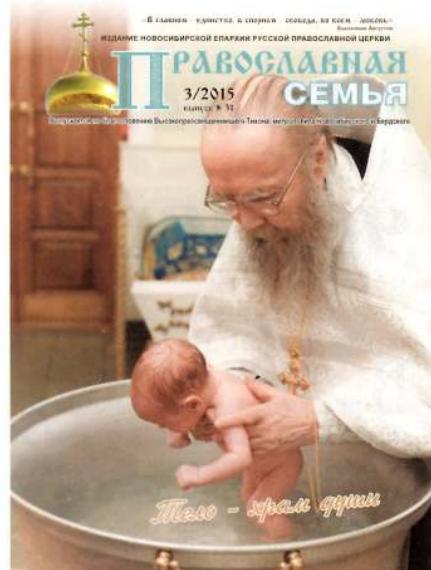
Дизайн и верстка: Смирнова Л.В.

Тел. (383) 348-5370, 308-75-03 www.skh.su e-mail: kat150171@gmail.com

Отпечатано в типографии ООО "Печатный дом - Новосибирск". Тираж 999 экз.

Подготовлен прихожанами прихода в честь иконы Божией Матери «Казанская» п. Краснообск. Издается на пожертвования прихожан.

Журнал можно приобрести: на Епархиальном складе; в лавках прихода во имя иконы Божией Матери «Казанская»; киоск по ул. Б. Богаткова, у дома № 208; киоск по ул. Геодезическая, 8 (НГТУ, ст. метро Студенческая); вестибюль ст. метро Площадь Маркса (выход на улицу Ватутина); в Сергиево-Казанском храме п. Краснообска, (конечная остановка).

Читайте в этом номере:

Наше наследие

Кто ты, человек? 4

Мысли вслух

В болезни твоей не будь небрежен... 8

Размышления о вечном

Смерть не конец, но начало... 12

Актуальная тема

Человек есть то, что он ест? 16

Ваше мнение

Мир спасет красота 20

Колокольчики

Рассказы старого колокола.

Я вижу, Господи! 22

Дедушкин чердак. 25

Сказка . Как дедушка Боря и внук

Ваня утенка встретили 29

О личном

Старость 30

Литературные странички

Времена года. Осень 31

Из жизни прихода

Строим вместе 35

Просим молитв о здравии рабов Божиих: протоиерей Дионисия, Иулии со чадами, Димитрия, Елены со чадами, Сергия, Юрия, Елены, Любови, Екатерины со чадами, Сергия, без помоши которых издание нашего журнала было бы невозможно.

Приглашаем к сотрудничеству людей, занимающихся фотографией, пишущих стихи и прозу, рисующих.

Ищем постоянных благотворителей.

Желающие получить наш журнал по почте наложенным платежом могут позвонить по телефонам редакции или отправить заявку по электронной почте.

Просим не использовать журнал в хозяйственных целях. Если он стал вам не нужен — привнесите его в храм или подарите другим людям.

Кто ты, человек?

В человеке различают материальное начало, называемое «телом» или «плотью», и духовное, выражаемое в терминах «дух», «душа» и «ум». Отцы Церкви иногда говорят о двухчастном составе человека (тело и душа), иногда — о трехчастном (тело, душа и ум, или, реже, — тело, душа и дух). В последнем случае ум, или дух, мыслился не как высшая способность души, а как самостоятельное начало в человеке.

Каким образом в человеке соединены два полярные начала — материальное и духовное? Задолго до возникновения христианского богословия над этим задумывались античные мыслители и восточные мудрецы. Платону душа и тело представлялись столь чуждыми, враждебными друг другу началами, что он называл тело «темницей», куда как бы против воли заключена душа. Платон разделял распространенные в его время представления о предсуществовании душ и об их переселении из одного тела в другое, в том числе из человека в животных.

Этой идеи отцы Церкви противопоставили учение о том, что каждый человек представляет собой единственную и неповторимую личность, в котором душа неразрывно соединена с телом. «Как каждый из нас получает свое тело через художество Божие, так получает и свою душу, — говорит Ириней Лионский. — Ибо Бог не так беден и скучен, чтобы не мог даровать каждому телу особую свою душу, равно как и особенный характер». По словам Афинагора Афинского, «душа и тело в человеке составляют одно живое существо, которое испытывает и свойственное душе и свойственное телу». Как подчеркивает Кирилл Иерусалимский, тело — не «чужая» одежда, заимствованная человеком на время, но «своя»,

Святоотеческое богословие рассматривает человека в трех аспектах, или трех состояниях. Во-первых, оно говорит о человеке первозданном, созданном по образу и подобию Божию. Во-вторых, о человеке падшем, чья природа искажена грехом. В-третьих, о человеке искупленном, движущемся по пути к обожению.

полученная навечно:

Ничего мы не делаем без тела. Хулим устами и молимся устами, блудодействуем телом и чистоту храним телом; похищаем рукою и милостию даём рукою, равно и все прочее. Итак, поскольку во всем теле содействовало душе, то и возмездие в будущем веке получит соответственно делам своим. Итак, будем, брат, хранить тела свои, не станем употреблять их на зло, как чужие; не будем, подобно еретикам, говорить, что сия одежда телесная есть чужая; но будем хранить, как свою. Ибо надлежит нам дать ответ Господу во всем том, что мы сделали в теле.

Как писал христианский автор II века, «нам должно хранить плоть как храм Божий». На рубеже II и III веков Тертуллиан говорил о том, что плоть — славное творение Бога, «дело рук Бога, забота Его помысла, мех Его дыхания, царица Его творения, наследница Его щедрости, служительница Его религии, воительница Его свидетельства, сестра Христа Его». «Почему, душа, ты ненавидишь плоть? — спрашивает Тертуллиан. — Ближе ее у тебя никого нет; ее ты должна любить более всего после Господа. Это ближайшая сестра твоя, которая вместе с тобою рождается в Боге».

Восхищение целесообразностью строения человеческого тела было характерно для многих церковных писателей. Начало этой теме в христианской традиции положил апостол Павел, который писал: Членов много, а тело одно... Но Бог соразмерил тело, внушив о менее совершенном большее попечение, дабы не было разделения в теле, а все члены одинаково заботились друг о друге (*I Кор 1, 20-25*).

В тех случаях, когда святые

отцы говорят о вражде плоти и духа (эта тема опять же восходит к апостолу Павлу), это следует понимать скорее в аскетическом плане, нежели как онтологическую антагонию в философском смысле. Под «умерщвлением плоти» в христианской аскетической традиции понимается освобождение плоти от греховых страстей.

Согласно святоотеческому учению, тело является домом души, и душа пользуется телесными чувствами как окнами, через которые соприкасается с материальным миром. Тело называют колесницей для души, органом души. О теле необходимо заботиться, потому что оно — орудие души.

Есть ли в теле какой-либо орган, который можно считать центром концентрации душевных сил, или же все члены в равной степени служат душе? Обычно органом рассудка признают головной мозг, а основным органом всех остальных душевных сил — сердце. Однако душа пронизывает собой все члены тела; некоторые из них специально предназначены к тому, чтобы быть «жилицами» душевных чувств: органами зрения служат нервы головного мозга и глаза, слуха — нервы мозга и уши, обонятия — ноздри, вкуса — язык и нёбо, осязания — вся нервная система человека.

О сердце как о центре духовной жизни человека особенно много говорили те писатели-аскеты, которые разрабатывали теорию и практику умно-сердечной молитвы. Они воспринимают сердце как орган мистического восприятия Бога.

На скрижалях сердца Божественная благодать пишет законы Духа и небесные тайны, — говорит преподобный Макарий Египетский. — Сердце же начальствует и властвует над всеми

органами тела. И если благодать проникла в долины сердца, то она властвует над всеми органами тела и над всеми помышлениями. Ибо там находится ум и все помышления души и ее упование.

В сердце происходят важнейшие события духовного возрождения человека — одухотворение его души, соприкосновение с высшим миром, встреча с Богом. Вместе с тем именно в сердце зарождаются и из него исходят злые помыслы, убийства, прелюбодеяния, любодеяния, кражи, лжесвидетельства, хуления (*Мф 15,19*), то есть в недрах сердца, в его «бездне» зачиняется все греховное в человеке. Отсюда задача аскезы — очищать сердце, освобождать его от греховых наклонностей.

Важную роль в христианской антропологии играет понятие «ум». Этот термин, часто употребляемый апостолом Павлом, восходит к античной антропологии. Ум не синонимичен душе: по словам Антония Великого, «ум не есть душа, но дар Божий, спасающий душу. Богоугодный ум идет впереди души и советует ей презирать временное, материальное и тленное, возлюбить же вечные, нетленные и нематериальные блага, чтобы человек, находясь в теле, умом мыслил и созерцал небесное и божественное. Боголюбивый ум — благодетель и спасение человеческой души».

Ум является инструментом духовного зрения: «Глаз видит видимое, а ум постигает невидимое». Органом разума является головной мозг, а органом ума — сердце. Поэтому «кто имеет боголюбивый ум, у того просвещено сердце, и он видит Бога в уме своем». Симеон Новый Богослов называет ум «оком сердца». В процессе мистического восхождения к Богу ум является игемоном-предводителем, он следует непосредственно за Богом, возводящим его. За ним следует душа: «От величия и красоты тварей ум познает Создателя и восходит к созерцанию Его и душу воспламеняет помышлять о Творце». Душа, в свою очередь, влечит за собою тело.

Ум может быть направлен как к Богу, так и в противоположную сто-

рону. Святые отцы, особенно те из них, которые говорили об «умном делании», исходили из того, что ум приобретает различную «окраску» в зависимости от того, в какую сторону и на какие объекты он бывает направлен. Как мир состоит из множества разнообразных и разнородных элементов, так и ум, направленный на предметы мира, теряет свою простоту и становится множественным, и, наоборот, возвращаясь к Богу, созерцая Единое, сам становится единым. О различных состояниях ума говорит святой Максим Исповедник: «Ум, направленный к Богу молитвой и любовью, делается мудрым, сильным, человеколюбивым, милосердным, или, просто говоря, имеет в себе все свойства Божии, переходя же к материальным вещам, становится животным и грубым».

Одной из наиболее таинственных способностей человека является память. Относится ли память к области ума, или ее следует признавать способностью рассудка? Иоанн Дамаскин, по-видимому, относит ее к рассудку: «память есть представление, оставленное каким-либо чувством, или помышление, обнаруживающееся через действие». Чувство и мышление — способности души; воспринятое душой при их помощи сохраняет память. Здесь, однако, идет речь о так называемой «мирской памяти», включающей в себя воспоминания обо всех событиях и явлениях материального мира.

Есть вид памяти, который относится к области ума и сердца, — это «память Божия». Душевная память концентрируется в голове, она множественна и разнообразна, потому что вмещает в себя множество вещей и явлений. Умная память заключена в сердце; она единична и проста, потому что имеет своим предметом одного Бога. Когда в человеке открывается память Божия, она постепенно вытесняет душевную память. По словам Исаака Сирина, «память о Боге, когда овладеет пажитью в душе, истребляет в сердце память обо всем видимом».

Последствия грехопадения оказались на всем духовно-телесном составе человека. Человек был создан с легким, чистым, нетленным

и бессмертным телом, однако после грехопадения тело утратило эти свойства, стало материальным, тленным и смертным.

В жизнь человека вошли болезни. По согласному мнению большинства древнечерковных авторов, причины всех болезней коренятся в греховности человеческого естества. Если сделанный грех рождает смерть (*Иак 1,15*), или, другими словами, смерть является следствием греха, то болезнь находится между грехом, за которым она следует, и смертью, которой предшествует.

Грехопадение сказалось на душевной составляющей человека. После грехопадения душа поработилась телу и, «соединившись с телом, заключилась во мраке тела». Помраченными и больными оказались все свойства и способности души. По словам Исаии Отшельника, естественное для души стремление к Богу враг изменил в постыдную похоть; ревность по Богу изменилась в противоестественную ревность и зависть людей друг к другу; способность гневаться на диавола, без которой невозможно отвергнуть его искушения, превратилась в гнев на ближнего из-за всяких ненужных и бесполезных вещей. Силы души сделались больными и поврежденными, как об этом пишет Григорий Палама:

Душа тричастна и видится в трех силах — разумной, раздражительной и желательной; всеми ими она больна... Пищей для раздражения служит желание; обе они возбуждают парение разума; поэтому никогда не увидишь здоровой раздражительную часть души, если прежде не исцелишь желательной, а разумную — прежде уврачевания этих двух.

Православные не считают, что человек в падшем состоянии полностью утратил свободу воли и не способен к благим делам. Основываясь на трудах восточных отцов, в частности Максима Исповедника, Православная Церковь учит, что в падшем человеке свободная воля может, но не обязательно должна быть направлена исключительно на греховные деяния. Благоволение

Божие к человеку не утрачено после грехопадения, так же как не утрачено и стремление человека к Богу. Человек сохраняет способность к благим делам, которые совершает при помощи благодати Божией, но не исключительно благодаря Божественной благодати, как думают протестанты.

Православной традиции чуждо представление о том, что после грехопадения человека отношение к нему Бога изменилось, что Бог в наказание за грех отнял у человека Свою благодать; что человечество полностью лишено Божественной благодати и является массой осужденных грешников. Изменилось

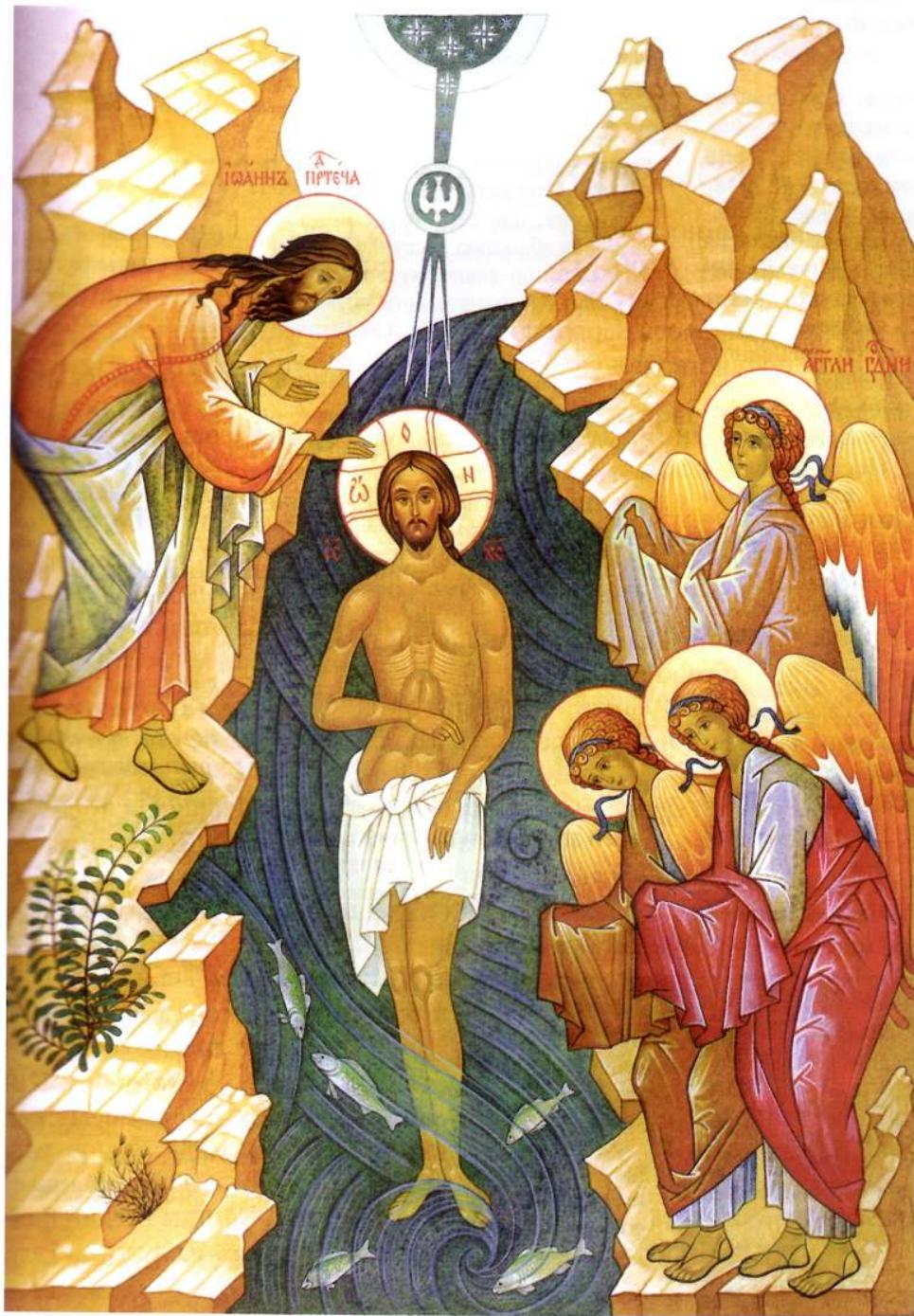
отношение людей к Богу, но не Бога к людям: любовь Божия к роду человеческому осталась неизменной. Об этом, в числе прочих восточных отцов, с большой силой говорил преподобный Исаак Сирин.

Единородный Сын Божий был послан Отцом в мир для того, чтобы исцелить поврежденную грехом человеческую природу.

Грех вошел в жизнь человека после грехопадения: наказанием за грех стала смерть. Но и само это наказание было проявлением любви Божией, и в самой смерти содержалось скрытое благодеяние, так как она преграждала путь к

распространению греха. В течение долгих веков Бог вразумлял человечество различными способами, однако грех продолжал переходить из поколения в поколение. Тогда понадобилось более сильное «лекарство», которым и стало воплощение Бога Слова.

Образ Божий в человеке не мог быть восстановлен без уничтожения смерти и тления. Поэтому Слову Божию необходимо было воспринять смертное тело, чтобы при помощи его была уничтожена смерть и в людях обновился образ Божий. Однако Сын Божий не сразу по воплощении совершил жертву за всех, отдав тело Свое на смерть.

Сначала Он, как человек, жил среди людей и преподавал им знание о Своем Отце, чтобы они пришли от идолопоклонства к богопочитанию. И лишь после того, как Он доказал Божество Свое делами, Он «принес наконец, жертву за всех, предавая на смерть храм Свой, чтобы всех сделать свободными от ответственности за древнее преступление»

В воплощении Бог становится настолько близок к человеку, что эта близость сравнивается с родственными узами: «Став однажды родственником нам по плоти и сделав нас сопричастниками Своего Божества, Он (тем самым) сделал всех своими родственниками...

Воплощение Сына Божия и Его спасительное дело не были вторжением в свободную волю человека, не были нарушением дарованного ему «самовластия». Симеон Новый Богослов всегда настаивает на том, что плоды искупительной жертвы Христоса, то есть единение с Богом, братство и родство со Христом, наконец, обожение — усваиваются нами только в том случае, если мы хотим этого. Христос — Пастырь и Владыка для желающих идти за Ним, а для прочих Он, хотя и Творец и Бог, но не Царь и не Пастырь, потому что они — исчадия и сосуды врага. Христос ни к чему не принуждает человека, но ждет от него добровольного и сознательного вступления на путь ко спасению.

Обожение, являющееся целью христианской жизни, достигается не сразу, а созидается в процессе постепенного и непрерывного духовного возрастания человека.

Достижение цели христианской жизни во многом зависит от усилий самого человека, однако само спасение — в руках Божиих. Таким образом, спасение является делом синergии — совместного творчества Бога и человека.

Идея обожения пронизывает учение Григория Богослова о Церкви и Таинствах, его нравственное и аскетическое учение. По его словам, обожение человека происходит в Церкви благодаря участию в Таинствах крещения и Евхаристии. В крещении человек возрождается и воссоздается благодаря обоживающему действию Святого

Духа: «...(Дух) обоживает меня в крещении... От Духа —наше возрождение, от возрождения — воссоздание... Дух делает человека храмом, Богом, совершенным, поэтому Он и предваряет крещение, и взыскивается после крещения». В Евхаристии же «мы причащаемся Христа, Его страданий и Его Божества». Если крещение очищает человека от первородного греха, то Евхаристия делает его причастным искупительному подвигу Христа.

Путь к обожению лежит также через активное доброделание: «Показывай свою деятельность не в том, чтобы делать зло, но в том, чтобы делать добро, если хочешь быть Богом». Благотворительность есть уподобление Богу: будучи щедрым и милосердным, начальник может стать Богом для подначальных, богатый — для бедных, здоровый — для больных: «В человеке самое божественное — то, что он может делать добро... Не упускай случай к обожению». Обожение не есть лишь интеллектуальное восхождение; вся жизнь христианина должна стать путем к обожению через исполнение евангельских заповедей: «Возвыйся скорее жизнью, чем мыслию. Первая обоживает, а вторая может стать (причиной) великого падения. Жизнь же соразмеряй не с ничтожными (вещами), ведь даже если ты и высоко взойдешь, все равно останешься ниже (того, что требует) заповедь (Божия)».

Путь к обожению, наконец, лежит через молитву, аскетическое трудничество и мистический опыт, через восхождение ума к Богу, предстояние Богу в молитвенном созерцании. «Чем хочешь ты стать? — обращается Григорий к своей душе. — Хочешь ли стать Богом, — Богом, светоносно предстоящим великому Богу, ликующим с Ангелами? Иди же вперед, расправь крылья и вознесись ввысь». Через молитву и очищение ума человек приобретает опыт частичного богоизвестия, которое становится все более полным по мере приближения к цели — обожению.

Чтобы описать, как такое обожение изменяет человеческое существо, Симеон Новый Богослов использует традиционный образ железа в огне: как огонь сообщает

железу свои свойства, не воспринимая темноту железа, так Святой Дух дарует людям Свое нетление и бессмертие, преображает их в свет и дарует полное уподобление Христу. Следовательно, обожение — это восстановление в человеке его изначального подобия Богу, Который, по словам Симеона, «не завидует тому, чтобы смертные через Божественную благодать являлись равными Ему... но утешается и радуется, когда видит нас... такими по благодати, каким Он был и остается по природе».

По мысли Симеона, обожение — постепенный процесс, который предполагает путь через различные последовательные этапы. Симеон говорит о том, как человек через соблюдение заповедей Божиих постепенно достигает состояния, при котором греховные помыслы оставляют его ум и страсти утихают; тогда человек обретает смиренение и сокрушение, смыкающие с его души всякую скверну, после чего приходит к нему Дух Святой. Чем усерднее человек соблюдает заповеди Божии, тем более очищается, озаряется и просвещается. Он получает от Духа новые очи и новые уши, посредством которых видит и слышит духовно: в этом состоянии Бог «становится для него всем, чего бы он ни возжелал, или даже и больше того, что желает». Человек тогда уже постоянно видит Бога и созерцает славу своей души, ибо он окончательно озарен и просвещен Богом.

Обожение человеческого существо, будучи всецелым соединением со Христом, есть восстановление образа Божия, утраченного человеком в грехопадении. Созданный по образу Святой Троицы, человек через приобщение Божеству вновь обретает этот образ во всем своем духовно-телесном составе.

*По книге «Православие»
Митрополита
Иллариона (Алфеева)*

В БОЛЕЗНИ ТВОЕЙ НЕ БУДЬ НЕБРЕЖЕН...

Что же такое болезнь? Зачем она приходит в нашу жизнь, причём это, зачастую, никак не зависит ни от возраста, ни от внешних обстоятельств, образа жизни, вредных привычек? Я намеренно не рассматриваю явные обстоятельства болезни: ел много — получил болезнь печени или суставов, или употреблял не те напитки в неумеренном количестве, или курил и тому подобное. Вот просто человек живёт спокойно. Работает, отдыхает, ходит в храм, играет с детьми. И в один непрекрасный день получает язву желудка. Первый и естественный вопрос у него, потому что он ходит в храм: за что мне это? Может, я что-то делал неправиль но? Болезнь — наказание Божие? Это один из самых частых помыслов, особенно у нас, по сути, новоначальных христиан. А от этого помысла недалеко и до другого, радикального — надо потерпеть болезнь, как наказание Божие. То есть — не лечиться.

Однажды мне довелось встретиться с хорошей доброй женщиной, которая узнала о своей тяжёлой болезни, связанной с онкологией. Болезнь на тот момент ещё не была безнадёжной или запущенной. Более того, в клинике определённо сказали, что всё излечимо, необходима операция, терпение и время — и впереди долгая и здоровая жизнь. Увы, она решила, что болезнь послана ей в наказание за грехи, и её нельзя лечить Рак — болезнь грешников. И некий старец, к которому она обратилась за советом, укрепил её в этом мнении. Она терпеливо, с завидным мужеством, переносила страдания, до последних дней приставалась Святых Христовых Тайн, отказывалась от лечения, ждала чуда исцеления. Через год она умерла. Спустя некоторое время я стала свидетелем спора: «Она полностью доверяла Богу, — говорила одна прихожанка, — значит, и не должна была лечиться. И потом, ей же старец сказал — болезнь к смерти, за грехи

Ещё вчера жизнь была хороша. Оказывается, я был счастлив и полон радости. Только не подозревал об этом. А сегодня мир померк и жизнь ужасна. Я ЗАБОЛЕЛ! Неважно, чем, если болезнь приносит настоящие страдания, то ничто не радует. Неважно, что это: простуда, которая, скорее всего, пройдёт через неделю без следа или серьёзная болезнь, которая уложит надолго и станет мрачным спутником на недели или месяцы. Кажется, что ничто так не желанно в жизни, как избавление от телесной немощи.

расплата!» «А если бы полечилась, а потом жила дальше, каялась в грехах, близким помогала — разве в этом был бы грех?», — говорила другая. Это было довольно давно, но до сих пор я вспоминаю эту женщину с душевной болью.

Как лечить болезнь, и лечить ли? Что правильно — изо всех сил цепляться за жизнь, прибегать ко всевозможным методам лечения, искать особенных врачей, особых клиники или только молиться и ждать над собой воли Божией? Только кажется, что вопрос решается легко: заболел — иди к врачу. А если лечение столь тяжело, что вытерпеть его — отдельная болезнь? А ещё современная медицина иногда предлагает такие методы лечения, которые, несомненно, вредят душе, излечивая тело.

«Можно не лечиться в ожидании, что Бог излечит, — говорил святитель Феофан Затворник, — но это очень смело. Можно не лечиться

для упражнения в терпении, в превысити воле Божией, но это очень высоко, и при этом всякий «ох!» будет в вину, уместно же только одно благодарное радование». И ещё у того же святителя: «Лечиться или к святым прибегать - одно другому не мешает. Лекаря Бог сотворил, и лекарства суть Божии творения. Лекарь не сам лечит, а Бог через него лечит. Бог внушает лекарю, и он прописывает настоящее лекарство. А когда Бог не помогает лекарю, не знаю, попадет ли кто из них на настоящее лекарство. Обратитесь к лекарю, но в то же время паче Господа и святых Его молите, чтобы вразумили его угадать лекарство. И ко святым угодникам прибегайте, и все делайте, что люди благочестивые делают в таких случаях (только захарок не знайте)». Святитель Феофан был глубоко убежден, что “жизнь не имела бы никакой цены, если бы не было бессмертия, а при этом, несмотря на ее краткость, значение ее неизмеримо, как вечность” (Св. Феофан Затворник Мысли на каждый день).

Поэтому-то святитель и дорожил жизнью как средством для цели, — временным для вечной жизни. Поэтому, с одной стороны, он не пренебрегал лечением случавшихся с ним немощей телесных, а с другой, строго соблюдал правило: “Чтоб прожить до глубочайшей старости, надо пораньше состариться, то есть пораньше взять власть над страстями и следовать внушениям здраво-мыслия и совести” (там же). В Священном писании тоже можно найти вполне конкретные указания о лечении болезни: «Почитай врача честью по надобности в нем; ибо Господь создал его, и от Вышняго врачевание... Господь создал из земли врачества, и благоразумный человек не будет пренебрегать ими. Для того Он и дал людям знание, чтобы прославляли Его в чудных делах Его: ими Он врачует человека и уничтожает болезнь его. Приготовляющий лекарства делает из них смесь, и занятия его не оканчиваются, и чрез него бывает благо на лице земли. Сын мой! В болезни твоей не будь небрежен, но молись Господу и Он исцелит тебя. Оставь греховную жизнь, и исправь руки твои, и от всякого греха очисти сердце... И дай место врачу, ибо и его создал Господь, и да не удаляет-

ся он от тебя, ибо он нужен. В иное время и в их руках бывает успех. Ибо и они молятся Господу, чтобы Он помог им подать больному облегчение и исцеление к продолжению жизни» (Сир. 38. 1-2,4,6-10,12-14).

Разговоры в очереди на лечение (процедура непростая):

- И за что только это ко мне привязалось? И жизнь вела правильную, за собой следила. Каждые полгода — к врачу, а мало ли что? И вот, не помогло. А соседка у меня — и работала, и корову всю жизни держала, и за собой не следит совсем — здоровенькая!

- Я вот так думаю — лечиться в любом возрасте надо. Не значит — как только где закололо, то сразу к врачу бежать. Но если чувствуешь, что немощь подошла — надо лечить. А то и добиваться лечения. У меня внуки, дети работают много — что ж им со мной, больной, раньше времени возиться придётся? Нет, пока можно, надо себя поддерживать. Так и себе легче, и близким хорошо.

- Нельзя болезни поддаваться. Она меня давит, а я говорю — шалишь! И не такое переживали. Да, неприятное дело такое лечение, но надо — значит надо! Ещё многое доброго в жизни успеть хочется.

- Болезнь — она не спрашивает. Придёт и к старому, и к молодому. Старому-то легче, готов уже, что болеть положено. Пере-терпеть надо, подготовиться, да и туда, откуда не приходят, собираясь потихоньку. Молодому тяжелей — ещё жизни не пробовал. Как с такой болезнью примириться, когда мир кругом манит?

Здравое отношение к болезни, если можно так выразиться, помогает избежать ненужных крайностей. Мы не можем знать, последняя ли эта болезнь, к смерти ли она нам послана, независимо от диагноза. Запросто можно умереть от гриппа или простого нарыва и вылечиться от онкологии. Поэтому никакие теории — эта болезнь послана за грех, поэтому я не буду её лечить, а буду только молиться — несостоятельны, кто бы это не говорил. Больше всего таких мнений можно встретить об

онкологических заболеваниях — и их не лечат тогда, когда ещё всё исправимо, уповая только на духовные средства. А человек — трехсоставен, и состоит не только из духа, но и души, и тела. И живет на земле в теле, Богом данном. На православных сайтах попадаются целые развернутые теории, где можно прочитать, какие болезни ожидают человека в соответствии с теми или иными грехами. Читать бывает забавно: глухота возникает, как следствие гордости, самомнения, онкология так широко распространялась, потому что люди не прощают давних обид, катаракта — от зависти и тому подобное. Не забавно, когда человек, начитавшись таких «теорий», слепнет, становится обузой для самого себя и близких, а мог бы поправиться и жить полноценно. Святитель Лука, архиепископ и выдающийся хирург, никогда и никому не отказывал в лечении, в том числе и глазных болезней, он оставил после себя великолепные учебники, по которым учатся поколения врачей и сегодня. Но, заходя в операционную — молился, осенял больного крестом, а только потом приступал к операции. И это в тридцатые-сороковые годы богоchorечского века, едва освободившись из ссылки! Не разбирал он, за какие грехи человек получил болезнь. Молился — и лечил.

Однако было бы совершенно неверным утверждать, что нет никакой связи между грехом и болезнью. В Священном Писании мы находим ряд указаний на связь страстей и болезней: «Ревность и гнев сокращают дни, а забота прежде времени приводит старость» (Сир.30:26); «Не предавайся печали душою твою и не мучь себя своею мнительностью; веселье сердца — жизнь человека, и радость мужа — долголетие... Утешай сердце твоё и удаляй от себя печаль, ибо печаль многих убила, а пользы в ней нет» (Сир. 30:22-25). «Причина болезни — грех, своя собственная воля, а не какая-либо необходимость», — утверждал преподобный Ефрем Сирин. «Неужели все болезни от грехов? — спрашивал святитель Иоанн Златоуст. — Не все, но большая часть. Некоторые бывают от беспечности. Чревоугодие, пьянство и бездействие также производят болезни». Легко проил-

люстрировать это простыми примерами. На улице морозно, а человек вышел без тёплой одежды, просто по причине беспечности. Заболел, может, и тяжело. Или школьник, пообещав маме не снимать шапку на улице, едва скрывшись из виду, засовывает её себе в портфель. Результат греха непослушания — больные уши. Есть и более тонкие связи греха и болезни.

К примеру, гордость. Это тяжелейшая болезнь нашей души. Почти никому не удается избежать её. Святой Иоанн Кассиан Римлянин так сказал о гордости и гордых: «Кем обладает страсть гордости, тот не только не считает достойным соблюдать какое-либо правило подчинения или послушания, но и самое учение о совершенстве не допускает до своих ушей, в сердце его растет такое отвращение к духовному слову, что если бы и случилось такое собеседование, взор его не может стоять на одном месте, но насупивший взгляд обращается туда и сюда, глаза обыкновенно устремляются в другую сторону,... так что пока продолжается духовная беседа, он думает, что все говорится в укор ему («Писания преподобного отца нашего Иоанна Кассиана Римлянина»). Гордость, тщеславие, зависть, сребролюбие способствуют появлению болезней. Это не голословное заявление. Это давно установленный святыми отцами Православия факт, это — наблюдения врачей и многих поколений православных людей, это — научно установленные факты последних лет. Тяжелые грехи являются тем фоном, который поражает душу и, безусловно, приводит к душевным расстройствам — неврозам, срыву психологической адаптации психопатизированных личностей, способствует развитию психозов, а вторично все это ведет к соматическим заболеваниям — ишемической болезни сердца, инфаркту миокарда, нарушениям мозгового кровообращения (инфарктам). Но совершенно неверно на основе этого делать вывод, что любой гипертоник — гордый или гневливый, и уж тем более, что ему не нужно лечиться.

Ещё один разговор в больнице:
— Уже третий год лечусь.

Столько претерпеть пришлось, и конца не видно. Может, не стоит с такими мучениями дальше жить? Уж сколько Бог отмерил...

— Откуда Вы знаете, сколько вам Он отмерил? Восьмой год лечусь. Да, тяжело. Зато живу, значит, зачем-то мне Бог жизнь продляет. Наверное, ещё не всё на земле завершено. А, может, для большего покаяния. Грехи, грехи...

— А для меня болезнь оказалась добром. Честное слово, все удивляются, а я рад, что заболел. Бежал, бежал всю жизнь — то денег, то власти хотел. Так наелся и того, и другого, что тошило от бессмыслицы. Зачем это всё? Но нем мог я вырваться из этой круговорти! А как болезнь пришла — враз остановился. Теперь вот живу — и радуюсь.

Зачем болезнь? Это неизбежно? Да, неизбежно. С этим надо смириться заранее, ещё тогда, когда полно сил и молодость бьёт ключом. Человек был сотворен для жизни вечной вместе с телом. Но грех, совершенный первыми людьми, внес свои изменения в жизнь человека и сделал тело его смертным. Человеку была дана заповедь не грешить. Человек же избрал жизнь по греху, ему было заповедано: "от дерева познания добра и зла, не ешь от него, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертию умрешь". Смерть вошла в человека через грех. Смерти предшествуют болезни и страдания. Современная медицина может помочь в лечении, облегчить боль, исцелить. Но не навсегда. А ещё современные реалии таковы, что у больного может не хватить денег, чтобы вылечиться или избавиться от боли, хотя это возможно. И не все методы лечения могут быть приемлемы. Среди них есть и такие, что ведут к бесповоротной гибели души в обмен на временное облегчение для тела.

«Болезни вместо епитимий идут. Терпите благодушно: они будут, как мыло у прачек», — говорил святой Феофан Затворник. Преподобный Иоанн Лествичник писал, что «болезни посыпаются для очищения согрешений, а иногда для того, чтобы смирить возношение». Святитель Иоанн Златоуст говорит: «Бог часто попускает впасть в болезнь не потому, что Он оставил

тебя, но с тем, чтобы более прославить тебя. Итак, будь терпелив....». В жизни самое трудное — последовать этому совету. Нести болезнь с терпением, без ропота, не избегая лечения, но и не уповая на него всецело, потому что воистину только Бог знает, дано ли нам исцелиться, или нести свою болезнь по пути жизни до конца.

Известно, что и святые имели болезни, часто неизлечимые. Апостол Павел, например, пишет: «... дано мне жало в плоть... удрученный меня, чтобы я не превозносился» (2 Кор. 12:7). Тяжёлую телесную немощь имели великие святые Серафим Саровский, Авмросий Оптинский. Некоторые святые молили Бога, чтобы им была послана болезнь как испытание, дающее возможность совершения сугубого духовного подвига. Были среди святых и такие, которые добровольно терпели тяжёлые страдания, умерщвляя свою плоть. К примеру, Иринарх Ростовский ходил босиком по снегу, почти не спал и носил на себе множество весьма неудобных и тяжеленных предметов. После святого старца осталось 142 медных креста, семь наплечных вериг, цепь в 20 сажен, которую он носил на шее, железные ножные путы, восемнадцать ручных оков, "связни", которые он носил на поясе, весом в пуд, и железная палка, которой он избивал свое тело и прогонял бесов. Честно, я не представляю, как это можно было терпеть. И не уверена, что современный человек может вынести нечто подобное. Схиитумен Иоанн (Алексеев) приводит такую притчу: «Вот о старце Леониде Оптинском такую историю рассказывают. Один монах надоедал ему просьбами благословить на вериги, а старец ему отвечал: «Зачем тебе вериги? Монашество само есть тяжкие вериги, если все делать, как следует». Но монах все клянчил. Наконец, старец благословил, а затем вызвал к себе монаха-кузнеца и сказал ему: «Придёт к тебе завтра монах просить, чтобы ты ему вериги сделал, а ты скажи: «Зачем тебе вериги?» — да зауши хорошенъко». На следующий день прибегает к нему разгневанный монах и объясняет, что он просил кузнеца сделать ему вериги, а тот, вместо этого, его заушил. «Ну вот, — ска-

зал старец, — ты и одной пощечины не стерпел, а побежал жаловаться. Куда тебе носить вериги? Так вот и не надо выше головы прыгать».

Не выше головы! Это трезвое напоминание нам о наших слабых силах. Наши болезни — наши вериги. Но мы часто не можем иметь терпения в болезни. Нельзя судить страдающего человека! Можно только сострадать ему и попытаться помочь. Так и самих себя мы не можем судить за нетерпение страданий. Но звать Господа на помощь мы можем. Тем более, когда совсем плохо. Рождение ребёнка — это очень болезненный процесс. Боль захватывает тебя с головой, кажется, что всё тело состоит только из боли. Счастье, если удаётся удержать в голове только одно: «Господи, не остави!» Всё существо сосредоточено в этом, даже не выразимом словами, призывае. В мир приходит новый человек. Невыразимое ощущение того, что Господь буквально накрывает тебя своей благодатью, испытывает душа в это время. Страдание от болезни, но понесённое с именем Христа — это тоже рождение для нашей души в обновлённую жизнь. Даже если в этой жизни после болезни будут и трудности ограничений, и следы болезни не изгладятся до конца. Христос пришёл, чтобы исцелить. Откроем Евангелие. Самое большое количество чудес, совершенных Сыном Божиим — чудеса исцеления, причём от тяжелейших недугов — проказы, слепоты, паралича, недугов, которые отделяли глухой стеной болящего от мира здоровых. Христу подвластно всё, даже исцелить одним словом того, кто не вставал тридцать лет. Другое дело — а полезно ли нам это?

Вопрос — «за что мне это?», неизбежен при тяжёлой болезни. Есть предание, что когда Господь проходил мимо одного безногого человека, ученики спросили: «За что он страдает? Чем согрешил?» Иисус ответил, что если бы этот нищий калека имел ноги, то полмира предал бы огню и мечу, стал тираном, убийцей, насильником. А так он, безногий, просит милостыню и спасается через свою немощь. Врач и епископ Антоний Сурожский, тоже страдавший от тяжёлой болезни, отвечал на вопрос о болезнях

так: «Мне думается, что болезнь и страдания нам даются от Бога для того, чтобы мы могли освободиться от такой привязанности к жизни, которая не дает возможности глядеть в будущее с открытостью, с надеждой. Если бы все было совершенно, то у нас не хватило бы духа отойти от этого совершенства. Но ведь то совершенство, которое у нас есть на земле, так далеко от той полноты, которую мы можем получить в Боге! Поэтому правильный вопрос не за что, а для чего. Для чего Господь попустил мне это испытание? Возможно, для того, чтобы мы наконец пришли к Богу, он так давно нас ждет, а мы в будничной суете не находим для него времени. Нам всегда некогда. Да и отпечаток советского оголтелого атеизма продолжает творить свое гнусное дело.

Многие обращаются к Богу, когда становится совсем тяжело, и забывают о нем, когда проблемы разрешаются. Часто болезнь — времена остановки, возможность оценить свою жизнь, проверить, что было главным. Только отвечать надо по правде. В общем, каждый из нас знает тайные уголки своей души. Не святые мы, не праведные. Честно, по грехам заслуживаем наши недуги. Поэтому надо их нести с терпением. С каким можем. С плачем, с жалобами, со сжатыми зубами, но нести. Главное — сохранять и разум, и веру. Разум — чтобы идти царским путём, как нам напоми-

нают святые отцы и мудрые батюшки. Не погружаться с головой в болезнь, не отталкивать руку помощи, но и не уповать только на медицину. Во все времена верующие молились о здравии за себя и своих близких. Во всех храмах обязательно есть списки (копии) чудотворных икон, дающих исцеление, и случаев исцеления предостаточно. Поэтому молиться, просить выздоровления нужно. Молиться и верить, что с Божией помощью все сложится намного лучше, чем могло быть.

Трудно выздороветь человеку, который ни во что не верит. Если он не верит в лекарства, лечебное питание, лечебную физкультуру, не верит врачам, не верит в Бога и, наконец, не верит в себя — прогноз малоутешительный. Верить надо. Вера — великая вещь.

Утро опять началось с невыносимой боли. Болит голова, опять это давление, всё кружится. Не радует красота золотой осени за окном, всё раздражает, одна мысль — как справиться с этой безжалостной болью. За что, мне же некогда, нельзя заболеть? И нет сил на молитву... И благодарить Бога за то, что послал мне испытание, я не могу... Господи, милостив буди мне грешней! Пошли терпения, дай сил не роптать.

Елена Чернакова

СМЕРТЬ НЕ КОНЕЦ, НО НАЧАЛО...

*Есть две непреложные истины. Первая – все умрем.
Вторая – неизвестно когда.*

С различными просьбами мы обращаемся к Господу словами церковных молитв во время богослужения. Мы просим избавить нас от всякой скорби, гнева и нужды, молимся о плавающих, путешествующих, недугующих, просим прощения грехов и прегрешений наших. Но есть молитва, которая объединяет всех, при которой низко склоняются головы, а некоторые сопровождают ее и земным поклоном. Это молитва: «Христианской кончины» живота нашего, безболезненной, непостыдной, мирной, у Господа просим». Это значит, что мы желаем того, чтобы смерть была для нас началом вечных радостей.

Архиепископ Иоанн (Максимович) так писал о смерти: *Безграничным и безутешным было бы наше горе по умирающим близким, если бы Господь не дал нам вечную жизнь. Жизнь наша была бы бесцельна, если бы она оканчивалась смертью. Какая польза была бы тогда от добродетели и добрых дел? Тогда были бы правы говорящие: «Станем есть и пить, ибо завтра умрем» (1Кор. 15, 32). Но человек создан для бессмертия, и Христос Своим воскресением открыл врата Царства Небесного, вечного блаженства для тех, кто верил в Него и жил праведно. Наша земная жизнь – это приготовление к будущей жизни, а это приготовление завершается смертью. Чело-*

векам положено однажды умереть, а потом суд (Евр. 9, 27). Тогда человек оставляет все свои земные попечения; тело его распадается, чтобы вновь восстать при Общем Воскресении.

Люди умирают по-разному. Некоторые очень мучительно, некоторые легко. У одних на лице застыает ужас и злоба, а у других – улыбка. Большинство людей боится умирать. Но думается мне, что довольно часто Господь помогает, и на пороге смерти человек перестает бояться самой смерти. В 2006 году у моей мамы случился инфаркт. Она лежала в реанимации в очень тяжелом состоянии. Когда я пришла к ней, она спокойно сказала мне: «Знаешь, а я не боюсь умирать». Для меня это было неожиданно, потому что я знала, всю жизнь она смерти боялась.

Помню, как мы разговаривали с отцом Геннадием Богданчиковым о смерти, и в какой-то момент он встал посреди комнаты и так вдохновенно и просто сказал: «Юлечка, а смерти не надо бояться». И по его сияющему и светящемуся лицу я поняла, что это не просто слова, он действительно смерти не боится, он готов к ней.

На смерть очень похоже рождение. Человек в утробе расположен вниз головой. Он не дышит легкими.

Не питается через рот. Кроме того, человек полностью погружен в воду. Он ни в чем не похож на «того» себя, каким ему предстоит стать через некоторое время. Между понятиями «родиться» и «умереть» гораздо больше общего, чем нам кажется. Человек рождается в новую жизнь, в новый, неизвестный ему мир.

Мы не найдем ни одного народа, который не знал бы погребального ритуала и не верил в продолжение жизни за гробом. То есть в общечеловеческом опыте смерть есть не что иное, как изменение способа существования, а не его прекращение вообще.

Тем не менее всякий современный человек, который столкнулся со смертью близкого человека, задается вопросом существует ли жизнь после смерти? Если человек болеет, мы беспокоимся о нем, заботимся. Но вот он умер. И что? Ведь наша любовь к нему никуда не исчезла. Да, его нельзя уже прижать к себе, погладить по голове, но он есть, мы его любим не меньше, эта любовь живая. Сознание наше раздваивается: с одной стороны, мы чувствуем, что душа умершего жива, с другой стороны, нас тянут в пропасть отчаяния старые стереотипы, которые нам внушались еще в школе, что никакой души нет, значит и загробной жизни тоже. Сейчас, после периода атеизма,

решение этого вопроса более трудно. Нас начинают терзать сомнения, мы не можем просто верить, как сотни поколений наших предков, что душа человеческая бессмертна. Нам нужны факты, доказательства. Это, действительно, сложно, потому что смерть человеческая — великая тайна, для нас не очевидна жизнь души после смерти.

Человек как неповторимая личность не исчезает бесследно. Тело стареет, а человек себя внутри ощущает таким же, как был в юности. Почему? Потому что душа не изменяется. Мы думаем душой, наши чувства и эмоции — это проявление души. Душа пользуется телом — как музыкант пользуется своим инструментом. Если струна порвалась — мы уже не слышим музыки, но это еще не значит, что умер сам музыкант.

У нас нет опыта бытия там, за гранью жизни и мы не в силах представить себе, что же происходит с человеком после смерти. Личного опыта у нас нет, но он есть в Церкви.

На самом деле существует множество доказательств существования души. Митрополит Антоний Сурожский описывает удивительный случай. Однажды к нему обратился человек, который во время войны случайно застрелил любимую девушку, свою невесту. Он прожил долгую жизнь, не раз каялся на исповеди в этом невольном убийстве, но ему не становилось легче. И вот Владыка Антоний дал ему неожиданный совет — попробовать попросить прощения у самой девушки, рассказать ей о своих страданиях и попросить, чтобы она сама помолилась Господу за него. Он так и сделал, и покой пришел. Молитва убитой им девушки оказалась сильнее.

У одного священника умерла жена, которую он очень любил. Он не мог справиться со своим горем и начал пить. Однажды к нему зашла прихожанка и рассказала, что во сне к ней приходила его жена и сказала: «Налей мне водки». «Ты же никогда не пила при жизни», — удивилась прихожанка. «Мой муж приучил меня к этому своим нынешним пьянством», — отвечала умершая. Этот рассказ потряс священника и

он навсегда бросил пить. Впоследствии он принял монашество, стал епископом. Звали его — Владыка Василий (Родзянко).

У родственников моего мужа умер ребенок. Мать дни и ночи плачала о нем. И вот однажды она пришла на могилу и увидела, как какой-то старичик развешивает на оградке мокрые пеленки и, обращаясь к ней, говорит с укором: «Что же ты всю могилу залила своими слезами?» С тех пор женщина перестала рыдать о своем ребенке.

Так что же находится за чертой, которую перешел умерший? Ведь если за ней лишь пустота, небытие, то все в жизни лишается смысла.

Интересен рассказ о «посмертном опыте» К. Икскуля, озаглавленный «Невероятное для многих, но истинное происшествие». Он написан человеком крещенным, жившим в 19 веке, но не воцерковленным и даже не верившим в загробную жизнь. Икскуль начал с безверия, а закончил свою жизнь уже монахом.

После описания последней агонии автор рассказывает, что «вдруг почувствовал, что стало легко».

Я увидел, что стою один посреди комнаты; вправо от меня, обступив что-то полукругом, столпился весь медицинский персонал... Я подвинулся и глянул, куда глядели все они: там на койке лежал я.

Меня охватило недоумение: как же это? Я чувствовал себя здесь, между тем и там тоже я...

Я захотел осознать себя, взять себя за талию — рука прошла через корпус, как по пустому пространству... Я позвал доктора, но атмосфера, в которой я находился, оказалась совсем непригодна для меня; она не воспринимала и не передавала звуков моего голоса, и я понял свою полную разобщенность со всем окружающим, свое странное одиночество; панический страх охватил меня. Было действительно что-то невыразимо ужасное в том необычайном одиночестве...

Я глянул, и тут только впервые передо мной явилась мысль: да не случилось ли со мной того, что на нашем языке, языке живых людей, определяется словом «смерть»? Это пришло мне в голову потому, что мое лежащее

на койке тело имело совершенно вид трупа...

В наших понятиях со словом «смерть» неразлучно связано представление о каком-то уничтожении, прекращении жизни, как же мог я думать, что умер, когда я ни на одну минуту не терял самосознания, когда я чувствовал себя таким же живым, все слышащим, видящим, сознающим, способным двигаться, думать, говорить».

36 часов длилась клиническая смерть Икскуля.

Часто умирающий начинает видеть почивших родственников и друзей. Бог дает знать ему, что потусторонний мир не есть совсем незнакомое место, что жизнь там также характеризуется любовью, которую человек питает к своим близким. Преосвященный Феофан трогательно излагает эту мысль в словах, обращенных к умирающей сестре: «*Там встретят тебя батюшка и матушка, братья и сестры. Поклонись им и наши передай приветы, — и проси попещи о нас. Тебя окружат твои дети с своими радостными приветами. Там лучше тебе будет, чем здесь*».

После смерти в течение первых двух дней душа наслаждается относительной свободой и может посещать на земле те места, которые ей дороги, но на третий день она перемещается в иные сферы.

В житиях святых и в духовной литературе существуют рассказы о том, как после смерти человека Ангел-хранитель сопровождает его душу к Небу для поклонения Богу. Нередко на пути к Небу бесы, увидев душу, окружают ее с целью напугать. Они обступают ее и обвиняют в грехах, совершенных ею во время земной жизни, ведь во время земной жизни душа кое в чем была послушна им. Их логика простая: «Раз ты поступала, как мы, то тебе и место с нами». В церковной литературе эта встреча с бесами называется «мытарствами».

Епископ Феофан Затворник пишет мужу умирающей сестры: «*У отшедших скоро начинается подвиг перехода через мытарства. Там нужна ей помощь! — Станьте тогда в этой мысли, и вы услышите вопль ее к вам: "Помогите!"*

— Вот на что вам надлежит устремить все внимание и всю любовь к ней. Я думаю — самое действительное засвидетельствование любви будет — если с минуты отхода души, вы, оставя хлопоты о теле другим, сами отстаните и, уединясь, где можно, погрузитесь в молитву о ней в новом ее состоянии, о ее неожиданных нуждах. Начав так, будьте в непрестанном вопле к Богу — ей о помощи, в продолжении шести недель — да и далее».

Затем, успешно пройдя через мятарства и поклонившись Богу, душа на протяжении еще тридцати семи дней посещает небесные обители и адские бездны, еще не зная, где она останется, и только на сороковой день назначается ей место до воскресения мертвых.

Смерть, будучи времененным разлучением с телом, в Священном Писании именуется то отшествием, то разлучением, то успением (2 Пет. 1:15; Фил. 1:23; 2 Тим. 4:6; Деян. 13:36).

Ясно, что слово успение (сон) относится не к душе, а к телу, которое после смерти как бы отдыхает от своих трудов. Душа же, разлучившись с телом, продолжает свою сознательную жизнь, как и раньше.

Одна из современных реалий — это кремация. Все больше людей выбирают этот способ захоронения. Говорят — меньше хлопот, дешевле...

Многие сотни лет хоронили умерших на Руси только в земле. А первый крематорий в России появился при большевиках в 1920 г. Дикостью считали воспитанные на русской культуре люди сжигание в печи людей. Но суть человеческая такова, что люди ко всему привыкают.

И если буддизм, индуизм и прочие восточные религии, откуда и пришла традиция сжигать тела, относятся к телу как к тюрьме души, которую надо после выхода души побыстрее сжечь и выбросить как старую ненужную тряпку, то для христиан тело человеческое — это храм души, который будет в свое время восстановлен при воскресении. Это совершенно разное отно-

шение к телу, хотя с виду кажется, что способ погребения не важен — все равно все обратится в прах.

Полным ответом на этот вопрос могут служить слова Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. Патриарх сказал:

«Кремация находится вне православной традиции. Мы верим, что в конце истории произойдет воскресение мертвых по образу Воскресения Христа Спасителя, то есть не только душой, но и телом. Если мы допускаем кремацию, то тем самым как бы символически отказываемся от этой веры. Конечно, речь здесь идет только о символах, ибо и похороненное в земле человеческое тело также превращается в прах, но Бог силою Своей из праха и тления восстановит тело каждого».

Конечно, бывают случаи, когда родственники не имеют возможности похоронить по-христиански, в силу различных обстоятельств. Это другое дело. Но в любом случае нужно стремиться сделать все, как положено.

По учению православной церкви со смертью человек не исчезает, не уничтожается, он засыпает телом, а душой отправляется на встречу с Богом. Мёртвый спит, оставаясь при этом человеком, отсюда покойник — спокойный человек, тот, кто «в покое», «на отдыхе у Бога». Поэтому и принято в Церкви тщательно подготавливать тело к погребению. Заботясь о достойном погребении человека, православные выражают свою веру в воскресенье.

Как же правильно поминать усопших?

Грустно смотреть на кладбище на тарелочки, чашечки, даже стаканы с водкой, накрытые хлебом, которые стоят на могилах наших близких. Разве этого ждет родная душа от нас?

Молитва за усопших и добрые дела — это самое большое и главное, что мы можем сделать для тех, кто отошел в мир иной. А вот на кладбище уместнее крест над могилой, лампадка или фонарь для свечи, ваза для цветов.

Вечно живая душа почившего

испытывает великую потребность в нашей постоянной молитве, потому что сама она не может творить добрых дел, которыми была бы в состоянии умилостивить Бога. Особенную помощь почившим оказывает поминовение в Церкви.

Прежде чем сесть за поминальный стол, следует прийти в храм к началу службы, подать записку и заказать панихиду с именем усопшего для поминования, на ней обязательно присутствие самих молящихся родственников. Духовное поминовение важнее обеда.

Сама история поминальных трапез у христиан состояла в том, чтобы в день памяти того человека, ради которого устраивали поминальную трапезу, накормить нуждающихся: нищих, убогих, сирот ради Христа, тем самым надеясь на милосердие Божие за душу поминавшегося.

Наша любовь к усопшим позволяет делиться с близкими самым главным — жизненной силой, самой возможностью бытия. На этом принципе Церковь и основывает необходимость поминовения усопших, и возможность изменения посмертной участи тех, кого мы любим и за кого молимся. Да, душа после смерти не может сама изменить себя. Но она может измениться благодаря усилиям тех, кто остался на земле и помнит о ней.

«Постараемся, сколько возможно, помогать усопшим, вместо слез, вместо рыданий, вместо пышных гробниц — нашими о них молитвами, милостынями и приношениями, дабы таким образом и им, и нам получить обетованные блага», — пишет святитель Иоанн Златоуст.

«Смерть не конец, а начало. Эта дверь открывается и впускает нас в простор вечности, которая была бы навсегда закрыта для нас, если бы смерть не высвободила нас из рабства земле», — писал митрополит Антоний Сурожский.

Но как это не парадоксально, современный человек меньше всего хочет задумываться над вопросом смерти. Самое разительное отличие современной массовой культуры от культуры христианской — в неумении умирать. Старость из времени

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ВЕЧНОМ

"подготовки к смерти", когда "пора о душе подумать", стала временем последнего боя за место под солнцем, за последние "права", временем «пожить для себя».

Отношение к смерти меняет очень много в современной жизни людей. Эта тема стала неприличной, о ней не принято говорить. Во многих западных странах покойников хоронят в закрытых гробах — не дай Бог увидеть лицо мертвого человека. И, например, для англичан бывает потрясением, когда они заходят в православный храм и видят покойника с открытым лицом — впервые за многие годы жизни... Потрясение — потому, что прежде всего это далеко не так ужасно, как кажется.

Большинство людей живут так, как будто они бессмертны, стараются не думать о смерти, некоторые и

на похороны по возможности стараются не ходить, чтобы не расстраиваться. Да, разговор о ней не вписывается в рекламные ролики благополучия и комфорта, к которым все более привыкает человек. А готовиться к смерти надо и уж, конечно, не в самом конце, как нерадивый ученик перед экзаменом, когда уже ни сил, ни времени не остается.

Митрополит Антоний Сурожский до принятия сана работал 15 лет врачом, из которых пять лет на войне во французском сопротивлении. После этого сорок шесть лет он прожил священником и постепенно похоронил целое поколение русской эмиграции. Он писал: «Меня поразило то, что русские умирают спокойно, а западные порой со страхом. Русские — потому что они верят в жизнь, уходят в жизнь. Одна из истин, которую и

каждый священник, и каждый человек должен повторять себе и другим: не надо готовиться к смерти, надо готовиться к вечной жизни. О смерти мы ничего опытно не знаем, мы не знаем опытно, что происходит в момент умирания. Но одно мы знаем, хотя бы зачаточно, что такое вечная жизнь. Каждый из нас знает на своем опыте, что бывают какие-то мгновения, когда живешь не временем, а какой-то полнотой жизни, каким-то ликованием жизни, которое не принадлежит земле. Поэтому первое, чему мы должны учить себя и других — это не готовиться к смерти, а готовиться к жизни. Если говорить о смерти, то говорить о ней только, как о двери, которая широко распахнется и даст нам возможность войти в вечную жизнь».

Юлия Лютина

Богданов-Бельский Н.П. Умирающий крестьянин

ЧЕЛОВЕК ЕСТЬ ТО, ЧТО ОН ЕСТ?

Афоризм, вынесенный в название статьи, правда, без вопросительного знака, взят из рецензии немецкого философа Людвига Андреаса Фейербаха (1804—1872) на книгу немецкого философа и физиолога Якоба Молешотта (1822—1893) «Популярное учение о питательных продуктах» (1850), а не у Гиппократа, как полагают многие. Хотя подобные фразы можно встретить и у великого врача древности, и у философа Пифагора. Смысл этих высказываний понятен — питание предполагает умеренность и избирательность. И дело не только в сохранении здоровья, но и усмотрении чёткой связи между, казалось бы, сугубо физиологическим процессом и духовным миром человека

Присмотримся к тому, как живёт наш организм. От рождения до зрелости наше тело увеличивается в размерах изрядно, а законов сохранения вещества никто не отменял: чтобы увеличиться в размерах, новое вещество надо где-то взять. **Потребность в пище — это потребность в материальных и энергетических ресурсах**, без которых организм вообще не будет функционировать. Она помещается в основании пирамиды потребностей — ведь без её удовлетворения никаких других потребностей вообще не возникнет, поскольку организм умрёт. Это жизненное значение пищи человек усвоил ещё в глубокой древности — и потому отношение к еде все-

гда было особым. Человек, поевший в доме, тем более вместе с хозяевами, становился для них «своим», почти родственником. Даже если выяснялось, что это кровный враг, на него не поднимали руку, а при необходимости даже защищали как своего... Словом, понятно, что **без еды человеку никак не прожить**. Однако же, разные пищевые запреты сформировались в человеческом обществе на самых ранних этапах его становления. Почему?

Тема еды, пищи, довольно подробно освещается в Библии. В книге Бытия четко написано, что первоначально для питания человека предназначалась лишь раститель-

ная пища. «Вот, Я дал вам всякую траву, сеющую семя, какая есть на всей земле, и всякое дерево, у которого плод древесный, сеющий семя; — вам сие будет в пищу» (Быт. 1, 29). Но даже в райском саду первым людям было дано повеление не есть с дерева познания добра и зла, а нарушение этой «пищевой» заповеди привело к изгнанию людей из рая и общемировой катастрофе, именуемой грехопадением. В дальнейшей библейской истории после всемирного потопа Ною и его потомкам Бог разрешил питаться и продуктами животного происхождения. «Да страшатся и да трепещут вас все звери земные, (и весь скот земной,) и все птицы небесные, все, что дви-

жется на земле, и все рыбы морские: в ваши руки отданы они; все движущееся, что живет, будет вам в пищу; как зелень травную даю вам все» (Быт. 9, 2-3). Но при этом воспрещалось есть живую тварь, кровь и соответственно, мясо с нестекшей кровью (в частности, «удавленину»). «Только плоти с душою ее, с кровью ее, не ешьте» (Быт. 9, 4).

В отличие от этих простых указаний, Моисеево законодательство предписывало огромное множество всевозможных пищевых ограничений, например: «не вари козлена в молоке матери его» (Исх. 23, 19). В праздник опресноков не разрешалось есть хлеб, приготовленный на дрожжах и закваске (квасное) (Исх. 12, 20). Все животные разделялись на чистых и нечистых, употреблять в пищу можно было только мясо первых (Лев. 11). Эти ограничения выражали общую идею о том, что человек, избранный к служению Единому Святому Богу, должен быть сам свят и чист во всех проявлениях жизни.

С течением времени эти запреты обрастили «преданиями старцев», мелочными подробностями, порой несущественными, но возводимыми в ранг непререкаемых. К первому веку в Иудее сформировалась религиозная партия фарисеев, которая главную цель человека видела в неукоснительном соблюдении бесчисленных предписаний и запретов, в том числе и в пище.

В противовес фарисеям Христос провозгласил, что главная чистота — внутренняя. «Ничто, входящее в человека извне, не может осквернить его... Потому что не в сердце его входит, а в чрево, и выходит вон, чем очищается всякая пища... Исходящее из человека оскверняет человека. Ибо изнутри, из сердца человеческого, исходят злые помыслы, прелюбодеяния, ... убийства, кражи, ... злоба, ... гордость, безумство, — все это зло изнутри исходит и оскверняет человека» (Мк. 7, 15-23). **Заботы о хлебе насыщном не должны заслонять духовных исканий**, становится целью жизни. «И так не заботьтесь и не говорите: что нам есть? или что пить?... Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам» (Мф. 6, 31-33).

Удовлетворение естественной человеческой потребности в еде не должно превращаться в служение своему чреву, пища не должна порабощать человека, делаться его кумиром, порождать страсть. «Смотрите же за собою, чтобы сердца ваши не отягчались объядением и пьянством и заботами житейскими» (Лк. 21, 34). Таким образом, с внешнего, чисто формального выполнения Закона акцент был перенесен на внутреннее воздержание, духовное трезвение.

В книге Деяний Апостолов рассказывается, как однажды, когда апостол Петр хотел есть, ему было явлено чудесное видение. С неба спускался сосуд, наполненный пресмыкающимися, четвероногими, зверями и птицами, то есть теми животными, которые Законом определялись как нечистые. И был глас к апостолу: «Встань, Петр, заколи и ешь». Когда Петр ответил: «Нет, Господи, я никогда не ел ничего скверного или нечистого», — он услышал: «Что Бог очистил, того не почитай нечистым». Так в видении Петру открылось, что запреты Закона не являются безусловными, они должны быть подчинены благодати любви. С того времени апостол Петр начал крестить и бывших язычников, вступать в общение, в частности есть с ними, что являлось прямым нарушением законной чистоты, и за что он подвергся критике со стороны блестителей Закона.

Об отношении к Закону много писал в своих посланиях великий «апостол языков» Павел. Ему принадлежит четкая формулировка христианского отношения ко всевозможным пищевым ограничениям: **«Пища не приближает нас к Богу**: ибо, едим ли мы, ничего не приобретаем; не едим ли, ничего не теряем» (1 Кор. 8, 8). Вместе с этим апостол призывал: «Будем вести себя благочинно, не предаваясь ни пированием и пьянству... попечения о плоти не превращайте в похоти» (Рим. 13, 13-14).

Образцом мудрого отношения к еде является первохристианская община, где все «принимали пищу в веселии и простоте сердца» (Деян. 2, 46). И именно здесь ежедневная трапеза поднялась до высот нравственных деяний. На ней все были равны: и неимущие, и имеющие достаток.

Она поддерживала бедных, служила здравым выражением братского согласия.

Позднее в монастырях сложилась особая культура питания, соответствующая аскетическому идеалу. Основой ее была идея подчинения плоти духу, идея духовного преображения всей жизни человека. Полностью исключалось употребление мяса. Во время трапезы запрещались праздные разговоры, читались душеполезные поучения. И трапеза как бы становилась частью богослужения и из чисто физиологического процесса принятия пищи поднималась до проникнутого светом Преображения чина ее вкушения.

В течение столетий монастыри были создателями и хранителями секретов приготовления пищи. Уединение от мира в тиши лесов и на берегах озер способствовало использованию в пищу богатых даров природы — рыбы, грибов, ягод, орехов, меда. Неутомимые землемельцы подвижническим трудом на монастырских огородах и в садах выращивали разнообразные и очень редкие и ценные овощи, зелень, фрукты и ягоды. Они обогатили наш стол многими пряными и овощными растениями. Через монастыри к нам пришли такие приправы, как иссоп, любисток, множество оригинальных и полезных блюд.

«И к тебе слово, чадо мое, поваре, — каждодневно борющийся в огне, колющий дрова, варящий яства, воду носящий, очищающий и омывающий овощи, коптящий лицо свое, загрязняющий одежду, потеющий и жарящийся, усиливаясь всячески успеть предложить братии потребные яства, — ты со святыми честь иметь будешь и лоно Авраамово тепле упокоит тебя», — так высоко оценивал святой Феодор Студит труд повара («Добротолюбие». «Подвижнические монахам наставления»).

Длительный библейско-исторический экскурс предпринят с одной целью — с помощью авторитетных свидетельств показать, что пищевая сторона бытия человека никогда не отвергалась и не принижалась Церковью. Нетрудно заметить, что при всех различиях эпох неизменной

в христианстве остается главная идея — идея трезвого, нравственного отношения к еде, умеренности в удовлетворении потребностей.

С давних времен в России сложилась своеобразная культура питания, отвечающая ее географическим и национальным особенностям. Строгая регламентация русского стола и секреты приготовления блюд, соответствующих православному календарю передавались из поколения в поколение. Подошло время поста — и ни у кого не возникало вопросов в целесообразности его пищевой составляющей. Пища занимала то место в жизни, которое и должна занимать — как необходимое условие бодрости духа и тела. Были и толковые кулинарные книги, и наставления в приготовлении самых разных блюд. Но это не занимало такую значительную часть в жизни, как это можно наблюдать сейчас.

Увы, традиции были прерваны, связи разрушены. Культура питания как таковая, практически исчезла, хотя о еде мы говорим как никогда много, часто не по делу и не к месту. Загляните на православные сайты перед любым постом. Часть из них напоминают форумы кулинаров, часть активно дискутируют на тему допустимости подсолнечного масла в пятницу, есть и те, кто осторожно намекает на необязательность пищевого поста как такового. Духовный же выше! Это, конечно, так. Только часто и то, едим ли мы в пост котлету, или питаемся только водой и хлебом, или варим капусту и картошку, становится самой важной частью нашей церковной жизни. Отсюда простой вывод: кто хозяин моей жизни? Бог? Я сам? Нет — еда.

Слишком много места в нашей современной жизни занимает еда. Кулинарные шоу и курсы диетологии, постоянный подсчет калорий и безудержное поедание модных блюд — две стороны одной медали. Мы слишком озабочены едой. Изучаем её полезность и вредность, постоянно придумываем особенные чудо-диеты, которые непременно сделают нас красивыми, стройными, счастливыми. Между тем человечество безудержно толстеет, потому что ест не столько полезную еду, сколько рекламированную.

Масло в огонь пищевых дискуссий подливают ещё и научные споры о новых технологиях выращивания и производства продуктов. Про «еду Франкенштейна», слышали? Это название, придуманное «зелеными» для генетически модифицированных растений, животных, продуктов.� Лауреат Нобелевской премии Йозеф Ротблат так высказался о ГМО: «Меня беспокоит то, что некоторые достижения науки, генетической инженерии могут привести к созданию новых видов оружия массового поражения, даже более страшных, чем ядерное». Это, действительно, очень непростая проблема. Уже более 20 лет продукты со встроенными, изменёнными генами, активно внедряются в пищевое производство. По некоторым данным, до 80% кукурузы, почти вся соя, более 50% картофеля — это генетически изменённые продукты.

Из нескольких десятков используемых в сельском хозяйстве ГМ — растений более двух третей были созданы для того, чтобы культуры выдерживали большие дозы гербицидов — химических соединений, крайне токсичных для всего живого. ГМ — картофель ядовит для колорадского жука. Гены антарктической рыбы, вставленные в геном томата, повышают его устойчивость к низким температурам. Пшеница с геном скорпиона более засухоустойчива. Куриные яйца, в которые встроен один из геномов человека, могут быть лекарством. Скажите, пожалуйста, что же мы едим?! Впору действительно в ужас прийти. Во многих странах, в том числе и в России, ГМ-продукты запрещены. Правда, это не мешает им проникать на прилавки в виде сладостей, консервов, колбас, газированных напитков, разных фаст-фудов. Специалисты-биологи выделяют, по крайней мере, четыре причины, ставящие под сомнение оправданность создания и использования ГМО и ГМ-продуктов в питании человека. ГМ-организмы приобретают не только желаемые их создателями, но и непредсказуемые, неблагоприятные и опасные свойства и признаки. Встроенный, чужеродный ген в процессе работы привносит не только один признак или свойство, желательные для биоинженера, но своим присутствием изменяет много других признаков и свойств в орга-

низме. Не существует надежных методов определения последствий распространения ГМО и их продуктов для природы и человека. Опасна технология создания ГМО. Чужой ген вставляется в цепочку ДНК хозяина с помощью бактерии-переносчика. При этом нельзя заранее определить, в какой участок хромосомы попадет вставляемый ген. Действия биотехнологов здесь напоминают действия алхимики: смешать, растворить, нагреть и посмотреть, что получилось. Однако в отличие от алхимики, который в худшем случае отравится или взорвется сам, генная инженерия создает монстров, которые могут изменить весь мир. Невозможно контролировать распространение ГМО и их продуктов в природе. А зачем в принципе создавались такие продукты? А затем, чтобы удовлетворять всё более растущие потребности человека в еде. И ещё затем, чтобы зарабатывать на их производстве как можно больше денег, опять же удовлетворяя безгранично растущие потребности некоторых людей. **Может, лучше есть поменьше, чем расплачиваться за неумеренный аппетит своим будущим?** Ведь самая главная опасность продуктов с ГМО — бесплодность тех, кто их ест.

В свете этих реалий понятнее становится, почему чревоугодие — смертный грех. Потому что он ведёт к смерти, как духовной, так и физической. При этом вовсе не обязательно есть много, быть похожим на одного из трёх толстяков из сказки. Достаточно поставить еду во главу угла. Сделать диету основой и смыслом жизни. При этом неважно, что человек ест. Можно быть строгим вегетарианцем и отличаться безудержной жестокостью. Можно есть только очень полезные продукты, и при этом быть глубоко несчастным человеком. Дело совсем не в том, что переедание вредно для здоровья. **Все-таки религия — это не наука о правильном питании.** Главная забота христианской религии — помочь человеку развить свои духовные силы, сформировать себя как личность, сохранить в душе свет Божий. Подсказать ему, какие действия, кажущиеся совершенно безвредными, могут привести к краху его человеческой сути, к гибели его бессмертной души. **Чревоугодие — желание потреблять больше того, что тре-**

буется. Причем это желание человек не может контролировать, оно сильнее его. В этом-то, на мой взгляд, и заключается вся опасность чревоугодия.

Владимир Даль называет чревоугодника живущим для еды. Пожалуй, это самая точная и образная формулировка. Человек, все свое время и средства тратящий на добывание, приготовление и поедание пищи, вряд ли найдет силы на развитие души. Несспособный справиться со своим собственным телом не сможет противостоять другим, более глубоким страстям. Между прочим, к чревоугодию относятся и такие разрушительные пороки, как наркомания и алкоголизм, являясь яркой и наглядной его иллюстрацией, когда духовные проблемы решаются не трудом души и стремлением к Богу, а употреблением в пищу определенных продуктов. Так же и от обжора часто можно услышать слова: «Я заедаю стресс». Таким образом, сталкиваясь с проблемой, человек не прикладывает усилия к ее решению, а утешает себя приятными вкусовыми ощущениями. Вряд ли при этом он ориентируется в потребностях своего организма в витаминах и питательных веществах.

Надо вернуть пищу на своё место. Всё же человек не сводится только к еде, он не только то, что он ест. Еда — один из даров человеку от Бога. А к дару надо относиться бережно и благодарно. Наша благодарность Богу — молитва. Так просто — помолиться перед едой, поблагодарить после еды. Как часто мы пренебрегаем этой необременительной обязанностью. А молитва может преобразить пищу, сделать её доброй и полезной. Неслучайно все, кто был паломником или трудником в монастырях, отмечали, как вкусная там простая, безыскусная еда.

Сегодня кое-кому может показаться смешным благодарить за еду — она есть всегда, а если нет, можно сбегать в ближайший супермаркет и набить холодильник под завязку. Кажется, что неурожай — дело далекого прошлого: ну, не уродился хлеб в одном регионе, привезут из другого или вообще закупят заграницей. Да и хлеб, собственно говоря, давно перестал быть основой питания, а некоторые вообще от него отказы-

ваются, чтобы сохранить фигуру. Но дело вовсе не в хлебе. Механически проговаривая слова знакомой молитвы, мы не задумываемся о великой действенной силе обращения к Богу. Молитва с верой, по воле Божией, может сотворить любое чудо. Известны же в истории православия случаи, когда молитва сделала ядовитую пищу безвредной, горькую воду полезной. Значит, и для нас **самым действенным способом защиты от атакующих продуктовых гадостей может стать молитва.**

Молиться можно (и нужно!) не только с просьбой, но и с благодарностью, и именно для этого служит молитва перед едой и после еды в православии. И от лишней пищи легче отказаться, когда ты помнишь, что после еды нужно помолиться. Наш современник, подвижник bla-

гочествия, отец Серафим Вырицкий († 1949) оставил такое наставление: «Как часто мы болеем из-за того, что не молимся за трапезой, не призываем Божие благословение на пищу. Раньше все делали с молитвой на устах: пахали — молились, сеяли — молились, собирали урожай — молились. Сейчас мы не ведаем, какие люди готовили то, что мы вкушаем. Ведь часто еда приготовлена с хульными словами, руганью, проклятиями. Поэтому обязательно нужно окроплять трапезу Иорданской (Крещенской) водой, — она все освящает, и можно не смущаясь вкушать то, что приготовлено». Нам надо почтить вспоминать этот добрый совет. Следовать ему куда более эффективно, чем вычитывать меленькую маркировку на упаковке.

Елена Чернакова

МИР СПАСЁТ КРАСОТА

Будкин Ф.О. Девушка перед зеркалом (фрагмент) 1848

Именно так эта фраза звучит у Ф.М. Достоевского. «Красота спасет мир» - сказал Владимир Соловьев. Если во фразе Соловьева речь идет о красоте, то в словах Федора Достоевского речь идет, прежде всего, о спасении мира. Красота производит «цепную реакцию» в мире, когда люди раскрываются друг другу в любви. Красота - это свойство мира, которое Христос в нем восстановил. Бог творит мир и человека по образу и подобию своему, он ничего некрасивого не творит. Происходит грехопадение и повреждение красоты в человеке, а следом за этим повреждение красоты в мире, поскольку он отдается в наследство отпавшему от Божией благодати человеку.

Таков посыл, исходная точка и высшее назначение красоты. Но что же такое красота и почему люди так упорно её ищут? Говорят – не родись красивой. Говорят – главное иметь добрую душу, или ум, или ещё множество хороших и добрых качеств. Но в любой толпе взгляд невольно цепляется за красивое лицо. Это неважно, телесная красота ничего не говорит о личности – и всё же правильные черты, красивая фигура зачастую вызывают симпатию к совершенно незнакомому человеку.

С самого юного возраста мы вглядываемся в зеркало, пытаясь понять – красива ли я, почему не такой цвет лица, почему не синие глаза, хорошо бы вились немного волосы... Соединяя судьбу с далеко некрасивым молодым человеком или девушкой, повторяя: «с лица воду не пить», все равно приходится практически переступить через себя. Душа важнее тела, говорим мы, убеждённые, что это истинно христианская позиция. И делаем серьёзную ошибку, упускаем из внимания самое важное. Нет противопоставления между душой и красотой, есть очень четкая причинно-следственная связь.

Так писал об этом Иван Ильин: «Каждый человек получает свое лицо и свое тело не как нечто окончательное, раз навсегда завершенное, а скорее как исходную точку, предварительно данный материал, пластическая обработка и формирование которого предоставляется, доверяется, поручается его душе. Он должен жить в своем теле и творить его; а то, что он переживает в душе, непосредственно и неизбежно запечатлевается в его теле и в чертах его лица. Ведь, как говорил Гете: «Что внутри — то и снаружи». Внутреннее уродство искажает самое красивое лицо; внутренняя красота освещает и облагораживает самые неудачные черты так, что они становятся незаметными».

Самым правильным было бы сейчас написать о внутреннем свете, о глазах, которые отражают красоту души. Но как быть, если сами эти глаза и разглядеть-то

непросто, такие они маленькие, да и в светленьких ресницах. Девушке-христиан-ке хочется семьи, любви и счастья, а её не замечают. Может, чуть-чуть подчеркнуть глаза, подкрасить ресни-цы? Но это же грех! А почему, собственно, это грех? Конечно, можно тут же ответить набором библейских цитат. Но для конкретной девушки это проблемы не решает. Может, и сует-но, и неблагочестиво, но хочется, хочется выглядеть привлекательно, красиво. Давайте не будем торопиться с осуждением, тем более, что осуждение — тяжкий грех, а попробуем спокойно разобраться в сути проблемы.

Недавно на одном из форумов наткнулась на вопрос: «Почему христианки специально не уродуют внешность, ведь в христианстве красота является грехом?» Ответы вызывают улыбку наивной глупостью. Но сама постановка вопроса симптоматична. Она отражает ложноаскетические представления о христианстве, как о чём-то унылом, тоскливом и уродливом. И в этом виноваты мы сами! Юбка-мешок, кофта цвета мешковины, неухоженный пучок волос на голове, естественно, никакой косметики — это узнаваемый образ. Только ничего общего с христианством он не имеет. Телесная красота в христианстве не является грехом. Важно другое — а для чего нужна красота и до каких пор должна простираться забота о красоте внешней.

Не буду приводить известнейшую цитату апостола Павла об украшении жены. Её и так используют постоянно, говоря о красоте истинной христианки. Нам надо получить конкретный ответ на вопрос современной девушки — как сделать свои душевые достоинства хотя бы чуть-чуть заметными внешне. Это действительно острые проблемы нашего времени. С одной стороны — наязчивая реклама изо всех сил кричит о красоте, молодости как синонимах успеха и необходимых качествах современного человека. С другой — ещё лет сто назад внешняя привлекательность никак не мешала устройству семейной жизни. Замуж-то, в основном, выдавали, или женили родители, подбирая пары по усмотрению. И красавица, и дурнушка имели равные шансы на счастливую семейную жизнь. Тем не менее, традиционные костюмы, украшения отличались продуманностью, вкусом и умело подчеркивали достоинства природной

привлекательности. Можно обратиться и к примерам святых женщин и девушек, прежде всего к семье царственных мучеников. Их одежда красива, фигуры стройные, прически продуманы и подчеркивают привлекательность лиц, чуть тронутых легкой косметикой. Ничего слишком яркого, ничего лишнего или вульгарного. И видно, что это не пустая красота, а та, которая глубоко одухотворена истинно христианской душой. Всё видно на этих лицах: и доброта, и вера, и любовь, и целомудрие. Эти образы вполне могут служить замечательным примером для подражания.

Тело — храм души, повторяем мы привычно. Но если тело храм, то оно нуждается и в украшении, и в заботе. Храм не может быть неопрятным, небрежным, поэтому да здравствует физкультура и даже спорт, если есть силы и возможности. Молодой человек или девушка с отвисшим животом и согнутыми плечами — это некрасиво и преступно по отношению к нашему Богом данному телу. И ничего плохого нет в аккуратном маникюре и косметике, которая подчеркивает достоинства лица и сгладит его непривлекательность. Девушка, ощущая себя привлекательной, даже субъективно, не будет судорожно думать, как она выглядит. И тогда разглядеть красоту души в аккуратном теле будет куда легче. А потом — свадьба с любимым человеком, удивительная красота молодости, ярко освещённая счастьем. А потом, когда семья уже состоялась, разве не должны супруги выглядеть привлекательными друг для друга, для детей? Это тоже проявление любви.

Если я не подкрашу глаза и пойду на работу в «естественном виде», то непременно нарвусь на вопрос заботливых коллег — не заболела ли? Если не буду пользоваться кремами по возрасту, то моим младшим детям придётся отвечать на вопросы одноклассников, а почему они всегда ходят с бабушкой. Если не буду выглядеть соответственно на официальном мероприятии — нарвусь на замечание начальства. Мы живем в том времени, которое досталось нам. С определённой тенденцией в одежде и внешности. Нелепо и глупо рядиться в сарафан и домотканую рубаху, неприятно, когда человек не следит за чистотой и прической. Я не призываю уподобиться рекламным красоткам и посвятить жизнь погоне за недостижимым идеалом вечной красоты и молодости. Это смешно и некрасиво. Да, да, некрасиво, особенно хорошо это

ощущают дети. Помню вопрос моей дочери лет в семь, когда она увидела портрет Мерлин Монро: «Эта тётя что, химическая?» Не может и не должна становиться целью жизни погоня за вечной юностью и красотой. Чтобы в пятьдесят выглядеть на тридцать пять — это тоже из наязчивой рекламы. Зачем, интересно? В заботе о теле, о внешнем благообразии и привлекательности должен действовать тот же принцип, что и в других сторонах нашей жизни — средний путь. И учить этому наших детей надо с раннего возраста.

Я говорю своим дочерям, что они красивы! И помогаю им такими стать, поощряя занятия спортом и красивыми танцами, показывая, как к лицу причесаться и ухаживать за кожей. А ещё мои дети любят смотреть на бабушек в храме. И часто говорят, что они очень красивые. И не любят рекламы с разными мисс-чего-нибудь. Потому что они ненастоящие. И замечают, что даже совершенное лицо кажется некрасивым, если оно злое или вечно недовольное.

А я очень люблю смотреть на беременных женщин в храме. Их лица удивительны, полны какой-то глубокой мудрости, чуть скорбны и дышат особой любовью. В это время красота души проступает так явно, что её не нужно ничем подчёркивать и выделять. И мне жалко тратить драгоценное время на косметический салон или маникюр. И, в общем, в свои почти пятьдесят я нормально отношусь к неизбежным морщинам и тому, что возраст берёт своё. Без особой ностальгии смотрю на фотографии 10-20-летней давности. Глупо думать без конца об утраченной молодости. Но так трогает сердце, когда мои дети искренне и с гордостью говорят: «Мама, какая ты красивая!», когда муж улыбается совсем как тридцать лет назад: «Ты красивая и молодая!». Для них, для тех, кого мы любим и кто любит нас, должны мы постараться не утратить красоты. А близких не обманешь никакой косметикой. Совершенная линия бровей не закроет гневной морщины, и самая лучшая помада не исправит брюзжащих губ. Морщинки от улыбок сделают нас моложе, а искренняя доброта и терпение, мудрость зрелости осветят лицо настоящей красотой.

Елена

Пустьте детей и не препятствуйте им приходить ко Мне, ибо таковых есть Царство Небесное (Мф. 19. 14).

РАССКАЗЫ СТАРОГО КОЛОКОЛА

Я Вижу, Господи!

За окном – осень. Стучит по окну дождь, шуршат жёлтые листья. До вечера ёщё далеко, а в комнате сумеречно. Наши звонкие колокольчики Дон и Динь не замечают непогоды. Они заняты важным делом – мастерят подарок для мамы. Динь разглаживает яркие осенние листья, а Дон наклеивает их на плотный картон. И получается из листьев настоящая картина. Закатное бордово-красное небо, по нему летит птичья стая, а внизу осенний разноцветный лес.

- Здорово получается, - радуется Дон, - мы с тобой, как настоящие художники, только без красок.

- Сейчас дедушка придёт, ему тоже понравится, - уверенно говорит Динь, подавая брату оранжевый кленовый лист.

- Работа ваша мне нравится, - раздался строгий дедушкин голос, - а вот то, как вы относитесь к бесценному Божьему дару – совсем не нравится!

Колокольчики очень удивились. О чём это говорит дедушка? А дедушка строго покачал головой и нажал кнопку выключателя. Яркий свет засипил комнату.

- Разве вы не заметили, что в комнате темно? Вы приглядываетесь, напрягаете глаза. Так и до очков недолго дожить. Зрение – дорогой подарок человеку, а вы его не бережёте. Нехорошо, мои дорогие.

- Да нам всё видно, дедушка, - заспорил было Дон.

Динь внимательно посмотрела на их работу. Да, при хорошем свете видно, что кое-где неровно, клей выступил.

- Правда, при ярком свете лучше. Но мы же не старались испортить зрение, дедушка. Просто увлеклись, не подумали.

- Давайте проведём опыт, чтобы вам было понят-

ней, чем вы рисковали, - дедушка достал небольшой плотный шарф, - Дон, завяжи глаза.

Дон с помощью сестры сделал из шарфа повязку.

- Темно!

- А теперь, - предложил дедушка, - попробуй выполнить обычное простое дело. Например, пойди на кухню и налей в стакан воды.

Дон подумал, что это он легко проделает и с закрытыми глазами. Через минуту из кухни послышался звон и вскрик. Динь и дедушка поспешили туда. Стакан на полу, хорошо, что не разбит, на столе – лужа воды. Динь пришла на помощь брату. Когда всё было убрано, смущённый Дон сказал:

- Я понял, дедушка. Без зрения жить очень тяжело. Я буду беречь свои глаза.

- Вспомните, мои дорогие, - сказал дедушка, прилавивая картину в тонкую рамку, - что в Евангелии больше всего исцелений слепых. Господь знал, как тяжело тому, кто не видел Божьего света. Об одном из исцелённых я расскажу вам.

Вы помните, как было сказано в Евангелии – многое ёщё совершил чудес Христос. Их невозможно было бы вместить и в сотню книг. Но благодарная память хранит

множество преданий о чудесах, совершённых Христом.

У самых ворот древнего иудейского города притулилась маленькая лачуга, низкая, с плоской крышей. С раннего утра до позднего вечера у раскрытых дверей сидел человек, обратившись к дороге. Его одежда была почти сплошь лохмотья. Длинные спутанные волосы закрывали часть лица. Глаза, ярко-голубые, как небо, оставались всегда неподвижными. Человек был слеп. Он не родился слепым, но так давно не видел солнечного света, что почти совсем забыл, как выглядят мир. Потеряв зрение в далёком детстве, человек не успел выучиться ремеслу. Поэтому ему оставалось только просить подаяние, рассчитывая на добрых людей. В иные дни ему давали хлеб, иногда сыр или рыбу. Бросали мелкие монетки. Иногда же не было ничего. Только кувшинчик с водой, который каждый день приносила добрая женщина из дома неподалёку. Слепому нечём было отблагодарить её за доброту. Всё, что он мог – это петь. Женщина присаживалась на порог его жилища и слушала, как слепец пел древние, как мир, псалмы. Голос его звучал очень чисто, негромко, и проникал в самую душу. Псалмы он помнил с детства. Их когда-то пел ему отец. Потом отец пропал, и он остался совсем один.

Женщина рассказывала ему обо всём, что слышала в городе. От неё он узнавал о празднике Кущей или о том, что скоро Пасха. Женщина была грамотной и иногда, перед великими праздниками, читала ему священную Книгу. Особенно она любила места, где говорилось о Мессии, который обязательно придёт и избавит иудеев от тягот рабства.

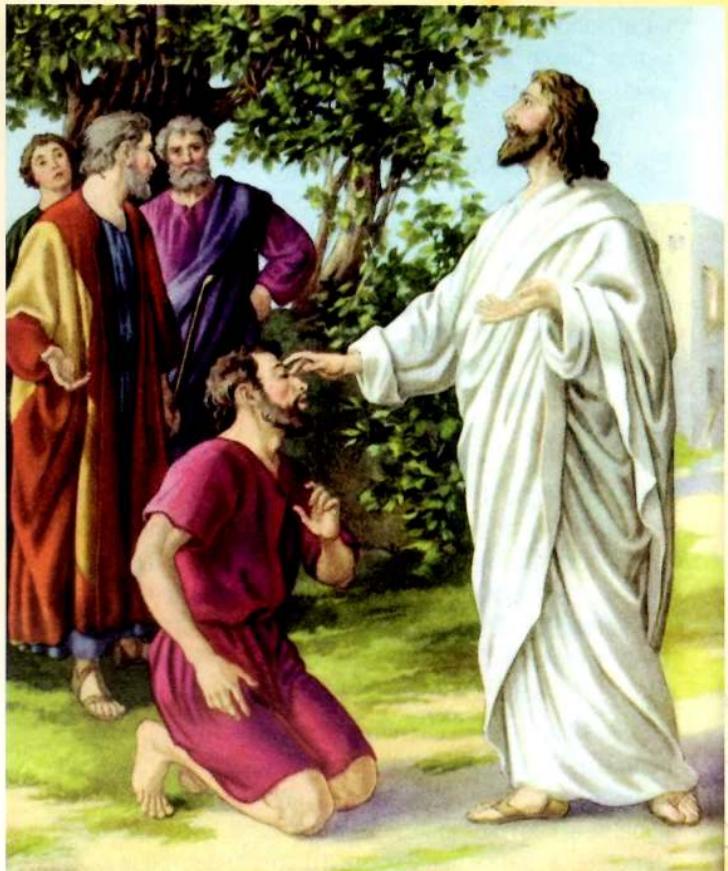
Иногда путники останавливались около певца, слушали, и думали: «Какой чудный голос дан этому убогому!» Но чаще просто проходили мимо. Прибегали дети, они часто дразнили слепого, кидали в него камни, смеялись, потому что он не мог увернуться. Иногда их прогоняла добрая соседка, иногда они сами убегали, устав от своего злого развлечения. Слепой терпел тихо, не жалуясь.

Однажды он почувствовал, что около него остановился путник. Он стоял долго, тихо, слушая пение. И слепому хотелось петь ещё и ещё. Он не ждал подаяния, даже не думал об этом. Просто никто не слушал его так!

- Чего ты хочешь, человек? – спросил его путник, когда слепой окончил пение, - проси, и тебе будет дано всё, что ты пожелаешь.

- Ты не сможешь мне дать того единственного, чего я желаю всей душой, - грустно сказал он, - но спасибо тебе!

По дороге зашуршили удаляющиеся шаги. Ушёл! Слепой повернулся в сторону шагов и вдруг увидел, как по мощеной камнями дороге идёт человек в пурпурном хитоне, его длинные волосы развевают ветер. Слепой повернул голову и увидел маленький домик с плоской крышей. На крыше вырос ярко-жёлтый цветок и немного зелёной травы. Но этого просто не может быть! Я вижу, Господи! Несколько минут он стоял неподвижно, просто

разглядывая мир вокруг. Потом, словно очнувшись, прозревший человек обежал вокруг домика, где жил долгие годы во тьме, метнулся внутрь. Где-то была одежда. Да, вот она! Несколько недель назад добрая женщина, что приносила ему воду, зашла в дом и сказала:

- Умер хороший человек. Вот одежда, он не успел её надеть. Возьми. И спой в память о нём псалом на погребение.

Он кивнул, вышел на крыльцо, обратил незрячие глаза к Востоку и негромко запел, обращаясь к Богу с молитвенной просьбой о незнакомом, но добром человеке. Женщина поблагодарила его и ушла, а он и забыл тогда о её подарке. Слепому всё равно, что на нём надето. Он не видит себя, и лохмотья не кажутся неприглядными. Но сейчас он должен идти, бежать туда, в большой и шумный город, чтобы найти того, кто послал ему чудо. Его глаза видят остро, различают самые мелкие детали. Он торопливо умылся. Кое-как пригладил волосы, надел новую одежду и побежал по дороге. Прохожие с изумлением оборачивались, узнавая в уверенно идущем человеке бывшего слепого.

Вот площадь, где торгуют и обмениваются новостями. Человек вмешался в шумную толпу. Все что-то говорили. Он, привыкший за годы слепоты тонко различать звуки, услышал, что многие говорят об исцелении. Но не о нём, а о другом, слепом от рождения. И ещё о хромом, и о расслабленном. Они говорят, что этот человек Иисус из Назарета. Одни кричали, что он прородник, другие злобно шипели, что он богохульник и самозванец. Одна женщина тихо сказала: «В Нём исти-

КОЛОКОЛЬЧИКИ

на и любовь, Он – Сын Божий». Человек быстро обернулся. Он никогда не видел этой женщины, но голос мог узнать без труда.

- Иди к храму, - сказала она ему, - там ты найдёшь Его. Я знаю, это Он даровал тебе зрение.

Человек бросился по широкой мощёной улице, ведущей вверх. Там, возвышаясь над древним городом, стоял величественный храм. Вокруг, во внешнем дворе, тоже была огромная толпа. Она мало чем отличалась от людей на торговой площади. Так же кричали продавцы, блеяли и мычали животные, звенели монеты. Как они могут? Это дом Божий! Где же благоговейное пение, тишина и умиление? Человек уже хотел повернуть назад, как вдруг услышал голос. Он узнал бы его из тысячи других голосов. Никакой шум не мог заглушить его. Он повернулся и пошёл на голос. Из-за колонн галереи вышло несколько человек. Они возбужденно говорили о чём-то, размахивали руками. Их лица раскраснелись, глаза горели. И только один был тих и бесстрастен. Он сказал несколько слов негромко, но его спутники тотчас успокоились.

Бывший слепец выглядел из-за колонны, не смея подойти. Он недоумевал – неужели всё вокруг, зрячие, не видят, что это не человек?! Он ясно различал необыкновенный свет, который исходил от него. Это же Мессия! Человек набрался решимости и шагнул навстречу этому свету.

- Ты Сын Божий! Ты исцелил меня сегодня, у городских ворот. Чем я могу отплатить за это добро? Скажи, я повинуюсь любому Твоему слову.

Человек опустился на колени и поцеловал край одежды Иисуса. Он быстро наклонился и протянул свою

руку.

- Человек! – голос был негромким, но он заглушил все другие звуки шумного торжища, - подумай, зачем тебе глаза?

- Чтобы видеть доброе и различать злое, - уверенno ответил он, - чтобы ходить по дорогам, встречать людей и рассказывать им, что я видел Тебя. Я вижу, Господи!

- Хорошо, - Сын Божий взял человека за руку, - тогда смотри, о чём тебе придётся рассказать.

Стены храма вдруг исчезли. Наступила пронзительная тишина. В этой тишине раздались звуки тяжёлых шагов, бряцание оружия. Потом простили очертания горы. На ней – три зловещих тени. Кресты. Они простили отчёлтивей. На одном из крестов, в центре, Иисус – окровавленный, страдающий. Видение исчезло. Вокруг опять загомонила площадь перед храмом.

- Тебе придётся увидеть это своими прозревшими глазами. Ты не убежишь в страхе? Не пойдёшь с теми, кто скажет – мы обманулись?

- Нет, - твёрдо ответил прозревший, - я знаю, что Ты воскреснешь и будешь всегда с нами. Я готов идти за Тобой, и знаю, что в конце меня тоже будет ждать крест. А рядом – Ты. С Тобой ничего не страшно.

- Тогда иди. Возвращайся в свой дом возле городских ворот. Мимо тебя каждый день проходят сотни людей. Пой им псалмы и рассказывай обо мне. А Я всегда буду с тобой.

Человек кивнул, слегка коснулся руки Мессии и быстро пошёл по дороге вниз с холма. Он узнал всё, что нужно. Его прозревшие глаза видели Спасителя, и он расскажет об этом людям.

Елена Чернакова

ДЕДУШКИН ЧЕРДАК

(продолжение)

Быстро, как солнышко по небу, катится деревенский вечер. Минька успел натаскать воды и вместе с дедом полить самые жаднопьющие огуречные грядки, пока Настя готовила ужин. Когда дед с внуком пришли в дом, их уже ждали золотистые сырники, горкой возвышавшиеся на красивом блюде. Дедушка, крякнув от удовольствия, достал баночку янтарного прозрачного мёда.

- Свежайший! – довольно сказал он, ставя баночку на стол, - сегодня только у дяди Бори взял. Кстати, он завтра ждёт вас к себе на помощь, ранний мёд качать.

- Ура! – закричал Минька, - наконец-то.

Пчёл он любил и уже научился с ними управляться. Дядя Боря, двоюродный брат их деда, был очень весёлым человеком, с шутками-прибаутками любое дело умел делать ловко и быстро. А уж пасека у него была знаменита на весь район, даже из города к нему за мёдом приезжали. Горка сырников быстро уменьшалась. Тётя Даша тоже присоединилась к тёплой компании, нахваливая Настю за такой вкусный ужин.

- Совсем взрослая стала, уже и дом на тебя оставлять можно. Первое дело – вкусно готовить уметь. На добром столе да на добром слове семья и держится.

- Это верно, - кивнул дед, - помнишь, как мать собирала нас за этим же столом. Я из города приезжал, Света, ты маленькая, двоюродные Боря, Стёпа приходили. Жили небогато, но корову держали всегда. Она и выручала. Помнишь мамину творожную бабку?

- Помню, - улыбнулась тётка Дарья, - никто такую делать не умел. И мягкая, и вкусная, и подать-украсить мама умела так, как в богатых домах не сделают. За столом у каждого своё место было. Разговор шёл небыстрый, а каждый успевал сказать. Даже меня, пигалицу, слушали. Однажды к нашему столу пришёл незнакомый человек. Тогда я уже в школе училась, а ты, Миша, на Дальнем Востоке работал. В тот день мама подготовила свою бабку, украсила по-особому. Мёд тоже был, пастила домашняя. Отец сказал, что нынче праздник, но не объяснил, какой. Праздник так праздник, мы с сестрой Светой радуемся. Только за стол сели, как в дверь кто-то негромко постучал. Отец пошёл открывать и вернулся с каким-то старичком. Старичок сгорбленный, волосы седые, просто белые, небольшая борода тоже совсем белая, а одежда чёрная. Он зашёл и как-то по-особенному внимательно оглядел комнату, как будто узнавая давно забытое место. Мать быстро усадила гостя за стол, предложила угощение.

Помню, как ел наш нежданный гость – медленно,

бережно, заботясь, чтобы ни одна крошка не упала. Нам любопытно – что за человек, откуда. Но спрашивать, любопытствовать – нельзя. Жди, пока сами взрослые скажут. Старик поел совсем немного, больше просто сидел и смотрел на нас, на окна, на комнату. Отец с матерью разговаривали, но не как обычно, а будто рассказывали этому незнакомцу о нас, о семье. Отец вдруг стал вспоминать, как он с женой и сыном переехал в этот дом. Я уже знала об этом, а наш гость слушал так, как будто эта история была самой важной в его жизни. В доме ещё до войны жил местный председатель колхоза. Говорили, что дом достался ему нечестным путём, поэтому и счастья не принёс. Его жена, женщина шумная и раздражительная, целыми днями пилила мужа за неудавшуюся жизнь. У них не могло быть детей, а взять на воспитание сироту она не хотела. Председатель, чтобы как-то задобрить её, опять взялся за нечестные дела, чтобы денег больше приносить. Вскоре после войны в колхоз приехала комиссия из города. Разобрались в тёмных председателевых делах быстро. Увезли его, а жена вскоре собрала вещи и тоже подалась куда-то из наших мест. Никто их больше не видел. Дом с полгодаостоял пустой. Когда наш отец с фронта вернулся, полным кавалером Ордена Славы, ему, как герою войны, дом и отдали. Он-то знал, что это родной его дом, но молчал об этом.

Старичок слушал, кивал согласно. Потом встал, поклонился матери и прошел по комнате. Потрогал полочки пустые в углу, покачал головой. Отец пригласил его в дальнюю комнату отдохнуть. Они ушли, а мне так интересно стало, что это за дедушка! Я вышла во двор. Обошла дом и нырнула в куст сирени, что растёт за верандой. Мы там дом себе построили, в куклы играли. И вдруг услышала голоса...

- Отец, надо добиваться справедливости! – это говорил мой отец, - я сам с тобой ко всем начальникам пойду, ордена надену! Не откажут!

- Не надо, сынок, - это старичок этот говорил, - довольно и того, что мы встретились. Есть Божия справедливость, а человеческой я добиваться не стану. Хорошо, что дом вернулся семье. Живите дружно, а Господь не оставит. У меня другой путь. Бог меня сохранил там, где выжить было нельзя. Теперь я должен остаток дней отдать Ему. Это будет справедливо. Если сложится, то буду жить неподалёку. Церковь, что была над рекой, позволили открыть. Надеюсь, мне удастся получить разрешение на служение.

Я слушала, едва дыша. Получается, что этот старичок – мой дедушка! Но откуда он взялся? Долго я

КОЛОКОЛЬЧИКИ

тогда просидела в своём убежище. А когда вернулась в дом, наш гость ушёл.

Через несколько месяцев мы, ребяташики, были оглушенны новостью – заброшенная церковь над рекой открывается! Как же так, религия – это для отсталых и неграмотных? Так нам говорили в школе. Но отец с матерью явно так не считали. Однажды вечером отец оделся по-рабочему. Я спросила, можно ли мне, и пошла с ним. Мы подошли к церкви, уже одетой в строительные леса. Отец привычно нашарил ключ и отомкнул калитку. Он поднялся на ярус лесов, а мне указал на разбросанные во дворе кирпичи и другой мусор. Я делала свою работу, а он штукатурил стены. Так мы стали приходить сюда каждый вечер. Отец не говорил, но я понимала, что рассказывать об этом никому нельзя. У нас появилась тайна. Давешний старик подходил к нам к концу наших ежедневных трудов, благодарил, даже кланялся. Отец приносил ему еду, а дедушка, так я его называла, дал нам несколько книг. Потом уже я узнала, что среди них было семейное Евангелие, купленное ещё прадедом, молитвослов, тоже старого шрифта. Мы почти не разговаривали, но стал этот старичок за год, пока ремонтировали храм, по-настоящему родным.

К следующей весне храм засиял белыми стенами.

Часто кто-нибудь из наших деревенских приносил в церковь икону или подсвечник, лампаду. Оказывается, почти всё уцелело, добрые люди сохранили. Нашлось даже два колокола, небольших, но самых настоящих. А в один из дней из города приехал человек. У него тогда была чёрная борода, был он высокий и очень худой. Вечером к нам в дверь осторожно постучали. На пороге стоял наш дедушка и этот высокий.

- Вот, это ваш батюшка. Отец Михаил. Он тоже много претерпел. А теперь вот будет Богу служить здесь. А мне пора...

Так сказал старик. Они в тот вечер долго разговаривали с отцом. О чём – не знаю. На следующий день на нашем храме зазвонили колокола. Всё село высыпало на улицу, заслышав такое чудо. Правда, в сам храм мало кто решился зайти. Я зашла вслед за отцом. Помню, как сейчас, яркий свет, лучами падавший сквозь высокие окна, дым от кадила, похожий на облака. Высокий священник перед царскими вратами и дедушка, совсем белый, как будто даже прозрачный. Это было похоже на сказку. А на следующий день дедушка исчез. Я не решалась расспросить отца о нём, да нам никто и не говорил, что он нам дедушкой приходится. Больше я никогда его не видела.

-И ничего о нём неизвестно? – спросил Минька.

- Нет, история на этом не заканчивается, - улыбнулся дедушка, - только уже луна взошла. Наша семейная история длинная и запутанная. Только свою часть я вам завтра доскажу. Спать пора. А то завтра Крикун вас с солнышком разбудит.

- Кукарекууу! – жизнерадостно послышалось за окном.

Минька недовольно открыл глаза. Казалось, только голова нашла подушку, а уже ночь прошла. Ну, что за жизни! Даже в каникулы спать не дадут. Он сунул голову под подушку, рассчитывая, что на время про него забудут.

-Кукарекуууу! – раздалось ещё громче.

Минька высунул встрепанную голову. Ну, даёт Крикун! На подоконник махнул! Придётся вставать. Тут он вспомнил, что его ждёт дядя Боря. Тогда лежать некогда! Минька решительно вскочил, помахал руками, разгоняя остатки сна, и побежал умываться. Настя уже была на веранде, накрывала стол к завтраку.

- А где дедуля? – спросил он у сестры, запуская ложку в белоснежный творог и одновременно откусывая кусок свежего хлеба.

- Он уже позавтракал и к отцу Михаилу пошёл, киоты подправлять. Лучше нашего дедули никто не сделает.

- Это точно, - Минька описал ложкой дугу. С ложки немедленно посыпался творог, чему очень порадовался рыжий Пират, терпеливо сидевший возле ножки стола.

- Ты как маленький, честное слово, - сердито сказала Настя.

- Извини, - примирительно сказал Минька, - я уберу.

- Пират уже убрал. Вон, облизывается, спасибо говорит, - хмыкнула Настя.

- Слушай, Настя, а отец Михаил – это тот, кого прадедушка привёл? – спросил Минька, - только он невысокий, обычного роста, да ещё сгорбленный.

- А лет-то сколько прошло, - по-взрослому ответила Настя, даже вздохнула.

- Вечером у тети Даши спросим, - напомнил Минька и вскочил, - всё, я побежал, дядя Боря ждёт.

Но сегодня был явно не Минькин день. Нет, сначала всё шло хорошо. Дядя Боря был рад помощнику, и тут же дал ему дело. Надо было вынуть верхние рамы с сотами и принести их на стол. Дядя Боря острым ножом ловко срезал верхнюю часть с сот. Потом – в медогонку. Крутить ручку – это тоже Минькинодело.

- Не спеши, смотри на рамку, - дядя Боря говорил

неторопливо, ясно выговаривая каждое слово, - видишь, много незапечатанных сот? Значит, не дозрел мёд, оставляем. Да не ходи без сетки. И дымарь держи наготове. Пчёлы не всегда мирные.

Минька кивал, но сетку надевать не хотелось. Жара, пчёлам не то что кусаться – крыльями махать в такую погоду лень. За воротами мелькнул друг Захар. Вот он к пчёлам никогда не подходил – боялся. Миньке захотелось слегка поважничать перед приятелем. Он отложил дымарь и с видом опытного пчеловода открыл следующий улей. Посмотрел, сведя брови, оценивающе покачал головой – рановато! Но всё же решил достать рамку. Он так и не понял, чем досадил пчёлам. Может, они тоже решили, что мёд ещё не созрел, то ли из-за жары что-то помутилось в пчелиных головах, только сначала из-за стенок послышалось угрожающее жужжение. Дальнейшие события напоминали мультик про Вини-Пуха. Небольшое пчелиное облачко поднялось над ульем, повисло, а потом развернулось в сторону Миньки с явным намерением покусать непрошенного гостя. Минька, мгновенно забыв, что он опытный пчеловод, выронил рамку из рук и кинулся к воротам. Хорошо, что дядя Боря успел быстро схватить дымарь и укротить сердитых пчелок. Пара укусов, правда, Миньке перепала.

- Разве можно так, - сердито сказал дядя Боря, приложив крышку на место, - как маленький! Хорошо, что я вовремя подоспел, а то искасали бы с ног до головы. Иди-ка к столу. Рамки в медогонку переноси.

Минька не стал спорить – виноват, это ясно! Начал укладывать рамки – две тут же выскользнули на траву, брызнув мёдом. После этого он был отправлен на подсобные работы – мыть фляги, подальше от мёда и пчёл. Друг Захар, сочувствуя, пришёл на подмогу.

- Давай за карасями на пруд сгоняем, как работу закончим, - предложил он.

- Какие караси в такую жару, - возразил Минька, - да и дома есть дела, обещал деду сегодня помочь починить кран на летнем водопроводе, а то воды вёдрами не натаскаешься.

- На пруду караси в любую погоду клюют, - убеждённо сказал Захар, - мы быстренько.

Наловить карасей было заманчиво. Дедуля рыбу любил и умел очень вкусно её готовить. Можно и сходить.

Через час, управившись с флягами, друзья отправились на пруд. Захар забежал домой и прихватил снаряжение на двоих. У пруда уже расположилось несколько местных рыболовов, и все исправно таскали из воды серебристых рыбёшек. Мальчишки быстренько пристроились с удочками. Клонуло у Захара, потом и у Миньки. Раз, другой, уже стали наполняться ведёрки. И

КОЛОКОЛЬЧИКИ

тут Минькина удочка, натянув леску, зацепилась. Досадливо крякнув, потянув удилище раз-другой, он понял, что так просто леску не отцепить.

- Подержи, - махнул он Захару и спустил босые ноги в воду. Шагнул по илистому дну, и тут ноги поехали сами. Минька взмахнул руками и плюхнулся, поднимая со дна тучи ила. Дальше о рыбалке можно было забыть. Не то что караси, все лягушки разбежались.

Мрачный и грязный Минька вернулся домой. Дед уже давно ждал помощника.

- Что ж ты, мы же договорились вместе водопроводчинить? – удивился он, обозревая перемазанного внука.

- День не задался, - со вздохом объяснил Минька, - а всё Крикун! Разбудил не вовремя, вот и встал я не с той ноги.

- Нечего на Крикуна сваливать, он своё дело хорошо знает. Иди-ка умывайся и ко мне, будем работу делать, - строго сказал дед.

Весь остаток дня Минька помогал деду. К вечеру вода весело зажурчала по трубам. Теперь к колодцу только за водой для чая надо будет ходить, а с поливом да баней они с Настей шутя справятся.

На село надвигался вечер. Замычало стадо, пора встречать Дарёнку. Ребята привычно проводили свою любимицу к тётке Дарье. А она им сюрприз подготовила – свежее варенье и домашний сыр. Ничего вкуснее на свете нет! Дедуля тоже решил сам к сестре прийти. Пока она с Настей хлопотала над ужином, дедуля с Минькой по-хозяйски осмотрели двор, подправили в двух местах ограду, принесли дров в баню, налили воды. Ужинать решили во дворе, за широким деревянным столом под большой яблоней. Дневная жара немного отступила. В наступающих сумерках видно было, как от реки поднимается белый туман.

- Дедуля, а ты обещал свою часть истории рассказать, - напомнила Настя, когда на стол был принесён настоящий самовар, а тетка Дарья налиvalа чай.

- Помню, внученька, расскажу. Началась моя история вот с такого тумана.

Дедуля помолчал, собираясь с мыслями, и неторопливо заговорил.

(Продолжение следует)

Елена Чернакова

КАК ДЕДУШКА БОРЯ И ВНУК ВАНЯ УТЁНКА ВСТРЕТИЛИ

Сказка

на ветку, спросила, отдохнувшись:

- Ты кто?

- Утёнок я. От стаи отстал.

Ворона посмотрела внимательно – и правда, утёнок. Испуганный, взъерошенный.

- Что же делать? Надо догнать твою стаю.

Утёнок вздохнул:

- Не смогу я их догнать. Скоро все на юг полетят. А я самый младший в стае. Летаю хуже всех. Сегодня все полетели на дальние озёра. Я даже туда долететь не смог. Наверное, я не настоящая птица.

Ворона покачала головой. Надо помочь малышу.

- Слезами горю не поможешь. Начинаем обучение. Смотри на меня, малыш и делай, как я!

Ворона широко раскинула крылья. Утёнок сделал то же самое. Ворона сильно взмахнула крыльями. Утёнок попробовал сделать также, но покачнулся и чуть не упал с ветки.

- Не так. Попробуй ещё раз. Лови крыльями ветер. Мы обязательно научимся, - подбодрила его ворона.

Утёнок пробовал ещё и ещё раз. До самого заката утёнок учился ловить крыльями ветер. Когда облака на закате окрасились в розовый цвет, утёнок ещё раз расправил крылья и вдруг почувствовал – он поймал ветер! Ветер его подхватил и понёс, но утёнок мог управлять ветром! Он поворачивался, взлетал высоко к небу, падал камнем к земле, потом опять взлетал к самому небу. Теперь он – настоящая птица.

- Теперь пора в путь. Я провожу тебя, малыш.

Ворона и утёнок взвились в небо и полетели, подхватывая ветер крыльями. Вот и дальние озёра. И большая стая уток. Они сидели на земле тихо. Они горевали о пропавшем утёнке.

- Это я! – радостно закричал утёнок, описывая круг над стаей, - посмотрите, я летаю! Меня научила ворона.

Утки радостно закрякали. Они говорили спасибо вороне на своём, утином языке, но ворона отлично их поняла. Как здорово, когда ты можешь помочь другому научиться ловить ветер крыльями.

Елена Чернакова

Дедушка Боря и внук Ваня вышли гулять. Это было особенно радостно, потому что целых три дня они гулять не ходили. Просто была осень, и шёл долгий холодный дождь. А сегодня с утра из-за седых туч вдруг вышло солнце. На улице оказалось очень шумно и весело. Прямо над двором кружилась целая стая уток. Они свистели крыльями, крякали.

- Похоже на карусель, дедушка, - засмеялся Ваня.

- Карусель и есть, - согласился дедушка, - это утки перед отлётом своего друга навестить решили и порадовать. Посмотрим-ка!

Ваня пригляделся – в центре карусели сидела чёрно-серая ворона. Она даже улыбалась – так была довольна!

- Наша ворона летом с утёнком подружилась, - сказал дедушка.

- Расскажи, дедушка!

- Однажды, на исходе лета, наша дворовая ворона сидела на макушке толстого дерева. Высоко над ней летела стая уток. Наверное, на юг собираются. Ворона уже собралась было лететь по своим делам, как вдруг увидела, что от стаи отделилась одна птица и быстро полетела вниз. Ворона испугалась, замахала крыльями и успела подхватить того, кто падал. Помогла сесть ему

СТАРОСТЬ

По дорожке, усыпанной листьями, медленно идёт пожилая женщина. У неё спокойное, чуть строгое лицо, морщинки, особенно заметные вокруг глаз, аккуратные седые волосы. Между ней и этим осенним днём ощущается глубокая гармония внутреннего покоя и законченности. Она не торопится, как многие молодые, спешащие, обгоняющие. Некуда спешить. Женщина впитывает позднюю, краткую красоту осеннего дня. Она похожа на мою давно ушедшую бабушку.

Я тоже спешу. Обгоняю, быстро иду к дому, нетерпеливо жду лифта. И кто только придумал вешать в лифт зеркало! Пока кабина доползёт до верхнего этажа, успеваю досадливо изучить новые и старые морщинки, посчитать седые волосы. Я не хочу стареть! Это ужасно! Понимаю, что смешно и глупо расстраиваться из-за неизбежных примет возраста, но ничего не могу поделать. Где бы взять такой чудодейственный крем, как в рекламе. Намазал — и помолодел. Это неважно, сколько у меня морщин и прочих примет возраста, убеждаю себя. Ничего это не меняет. И дети, и муж меня любят искренне, невзирая на немолодые годы. Дома в зеркало смотреть некогда, и внутренний конфликт сам по себе затухает. На время.

Вечер, в доме тишина. Можно взять долгожданную книгу. Только сначала надо надеть очки. А то букв будет не разобрать. Да, и очки, похоже, пора менять на более сильные. Но ещё недавно я прекрасно читала без всяких очков! Что ж дальше будет? А дальше я вдруг забыла хорошо знакомое стихотворение. Или положила куда-то ключи, а потом долго искала, куда же они спрятались. Или с удивлением и досадой обнаружила, что не могу с привычной лёгкостью донести до дома обычный пакет с продуктами — локоть болит и дыхание сбивается. Или, набирая очередную статью, постоянно делаю ошибки, пропускаю буквы в словах или меню их местами.

Каждый день приносит новые неприятные сюрпризы. Морщинки — не самые тяжёлые, зато самые досадные. Почему это происходит именно со мной? Я всю жизнь считала себя трезвым человеком. Возрастные изменения — самый неизбежный этап жизни. Но сказать честно: «подходит старость»,- мне почему-то мучительно трудно.

Это не я — кричит и сопротивляется тело! Неужели простые привычные до автоматизма действия могут даваться с трудом? Как жить, если ты не можешь быстро подняться по лестнице, нагнуться без боли в спине, работать долго и легко восстановиться после нагрузки? А разум безжалостно говорит — с этим нужно учиться жить. Болит спина — уменьши тяжесть. И неправда, что никто без тебя не справится с этими сумками. Есть дети, есть машина. Есть умеренная физкультура и врач. Да, это самая тяжелая и мрачная сторона возраста — неизбежность немощи и болезни.

На эту тему в Псалтири царя Давида в 70 псалме есть такие слова: «Боже, не отвергни меня во время старости, когда будет оскудевать сила моя, не оставь

меня». Это очень важно. Давид молится Богу и говорит о том, что его сила будет оскудевать, уменьшаться. Но если Бог с человеком, то с ним остается божественная мудрость. А если нет, то тогда — безумие.

Безумие — отвергать собственный возраст. А мир вокруг нас всё более наполняется таким безумием. Реклама кричит — используйте вот этот крем, и вы будете в пятьдесят выглядеть на тридцать пять! А зачем? На этот простой вопрос реклама ответа не даёт, зато активно продвигает мысль, что старость не имеет права на существование. Закономерный и естественный процесс объявляется чем-то постыдным. Жизнь — для молодых. И начинается гонка за несуществующим эликсиром. Смешно и грустно видеть молодящихся старииков. Не хочу быть похожей на пожилую женщину в мини-юбке и красных сапогах! Значит, надо как-то примириться с неизбежным.

Я очень люблю осень, причём любую, не только то краткое время, когда всё вокруг утопает в роскоши золота. Есть удивительное очарование поздних осенних дней, когда уже пролетает снежок, идёт дождь и холодно. Но вдруг к вечеру с неба уползают тучи и появляются удивительные лёгкие облака, похожие на крылья ангелов. В сердце входит покой. Да, молодость ушла. С этим ничего нельзя поделать. Но жить в вечной весне или в вечном лете — значит не дождаться плодов. Не зря зрелость именуют осенью. И плоды должны быть. Мудрость и спокойствие, терпение и снисходительность. Надо принять свои годы, как подарок от Бога. Да, не забыть сменить очки и записаться на массаж. И приучить себя мерить давление каждый день. И отучаться от спешки, гонки и суеты. И жить, радуясь каждому дню.

Елена

Ещё вчера большая берёза во дворе трепетала тёмными листвами усталой зелени начала осени, когда вся природа уже готова вступить в блаженное время покоя после летнего буйства. А сегодня утром как будто неведомый художник прошёлся по веткам и щедро обрызгал их золотой краской. Эта берёза всегда желтела самой первой, и от её листвьев цвета старого золота весь двор немедленно расцвечивался мягким солнечным светом, даже если моросил дождь. Дождь, упорный осенний дождь, шёл уже несколько дней. Двор постепенно покрывался мокрыми жёлтыми листвьюми, обрамляясь красно-оранжевыми клёнами и позолоченными тополями. Город накрыла осень.

Осень похожа на пестрое нарядное покрывало. Так думала Таня в детстве. Она часто вспоминала свое детство: когда рождались её дети, когда они были маленькими, потом подрастили. Вспоминала не подряд, а отдельными фрагментами, кусками, яркими блоками. Вчера, когда они со старшими дочками лепили вареники вечером, она вдруг вспомнила песню, которую пела бабушка за работой. Песня была тягучая, как осенний дождь, она не помнила слов, но помнила мотив, руки, которые ловко делали любую работу. А

сегодня с утра дочки опять успели поссориться. И поэтому на душе целый день пасмурно. Но осень лечит её, Татьянину, грусть, стоит только выйти ей навстречу.

Татьяна долго гуляла под мелким дождём, загребала ногами листву, забиралась в самые дальние уголки, находила там всё новые осенние чудеса. Сегодня в парке, больше похожем на лес, она нашла целое семейство ежей. Они торопливо сновали по полянке, не обращая на человека никакого внимания. Татьяна даже слегка обиделась и решила напомнить, что она всё же венец творения. Еж сосредоточенно обнюхал носок её сапога, так некстати возникшего на его пути, фыркнул недовольно, быстро обежал женщину, чтобы продолжать свои, неведомые Татьяне, но очень важные дела. Она была лишней в этом лесном мире. Татьяна присела на поваленное дерево, замерла. Дождь перестал, слышно было, как шуршат листва под маленькими лапками. Ей показалось, что она попала в забытую детскую сказку. Бабушка когда-то рассказывала маленькой Тане историю про ежиное семейство. Сказка была очень уютная, как и сама бабушка. В ней ёжики ткали коврики и одеяла для своего домика, сушили грибы и

варили рябиновое варенье. Поляна осветилась мягким предзакатным светом заходящего солнца. Пора выбираться! Татьяна помахала ёжикам на прощанье и поспешила к школе за младшей дочкой.

- Мам, давай погуляем, - попросила Светочка.

Татьяна покачала головой. Надо успеть всех ужином накормить, и уроки на завтра сделать. Света вздохнула, но послушно пошла за мамой. Она редко спорила, младшенькая дочка была редкостно некапризным ребёнком.

- Немножко во дворе погуляем, - сказала Татьяна, и дочка засвятилась от радости.

Татьяна почувствовала себя виноватой. Уроки, домашние дела, тренировки, занятия — у детей день расписан по минутам! Они не спорят, честно тянут свои труды. А она ещё и недовольна, бывает, и ругается, а хвалит редко. Недавно она прочитала, что каждый родитель тратит на общение с детьми одиннадцать минут в день! Мысленно усмехнулась — уж это не про неё, она-то всё время с ними, с детками. Вот только о чём они говорят? Уроки, занятия, почему не сделал, быстрее, опять «тройка»... Надо бы праздник устроить. И детям, и себе.

Роскошный малиновый закат сулил на завтра погожий день. По привычке спрятавшись в интернете о погоде, Татьяна убедилась, что завтра тепло и солнечно. Хорошо бы в зоопарк с детьми отправиться. Она обещала им эту поездку ещё летом, но всё никак не сходилось. Решено! Прямо с утра и поедем, один школьный день можно пропустить.

За ужином озвученное решение было встречено дружным: «Ура!!». Муж полушутя попросил:

- Только всех зверей там не напугайте. И к клеткам с обезьянами близко не подходите, а то мама перепугает, кого забирать, а кого оставить в зоопарке.

Шумное семейство даже спать отправилось без уговоров. Все предвкушали завтра. Зоопарк в их городе был большой, с прудом и деревьями

ями, зверям было вольготно в огромных загонах и вольерах.

- Устанешь завтра, мать, - сказал муж за их любимым поздневечернем чаем, - выезд с нашей оравой — целый подвиг.

- Нет, - улыбнулась Татьяна, - я сама так хочу в зоопарк! Как в детстве...

День и вправду выдался изумительный. Было так тепло, как будто не разгар осени, а позднее лето. Поездка через весь город, потом путь по незнакомому району, когда надо останавливаться, чтобы свериться со всеведущим Гис — это было целое приключение. Дети вились вокруг весёлыми бабочками, радостно находили новое, торопились скорее поделиться с мамой:

- Мам, посмотри наверх! Запрокинь голову.

Татьяна послушно подняла голову к небу. Высоко, в бесконечное поднебесье уходили стройные сосны. Их пощадили строители на новом жилмассиве, и теперь деревья соперничали высотой с домами. Ещё им попался зелёный холм, с которого было так замечательно сбегать на поляну из шуршащих листьев, необычная круглая карусель, слон из железных прутьев с верёвочной лестницей. На площади перед зоопарком был фонтан, гуляли и сидели люди. Было по-особому весело, как на празднике. Ещё минута — и перед ними длинная аллея с вольерами, загонами и домиками. Впереди несколько часов радости. Даже деревья, во множестве росшие тут и там, приветственно зашуршили яркими листьями.

- Как флаги на дне рождения, - оценила дочь красоту.

Они никуда не спешили в этот удивительный тёплый день. Поглязели на огромных важных орлов и грифов, пошли к быстрым ласкам и горностаям, угощали орехами белку, а забавного козлёнка — кусочком морковки. Огромные важные верблюды смотрели на них печальными мудрыми глазами, а маленькие пони трогали тёплыми влажными губами ладошки детей, осторожно

съедая траву. Татьяна тоже покормила пони, чуть погладила мягкую длинную чёлку. Как у Светочки, подумала она. А медвежонок-подросток похож на её Стёпу — ему так же всё время хочется сделать по-своему. Медведица-мама не слишком обращала внимание на проделки сынка, только когда он совсем расшалился и шмякнулся с высокого бревна на пол, коротко сердито рыкнула. Медвежонок, поскучивая, лёг под тёплый материнский бок, и медведица тихонько лизнула его голову. Красавец лев с роскошной гривой возлежал наверху своего каменного логова, время от времени вскидывал огромную голову и обводил толпу у клетки пристальным взглядом ярко-жёлтых глаз.

- Как ты думаешь, мама, если ему что-нибудь очень вкусное принести, то можно будет его гриву потрогать? — задумчиво спросила Надя.

- Он решит, что ты вкуснее, - фыркнула старшая Сима.

- Это ты вкуснее, - вспылила Надюша.

Надо срочно переключить этих спорщиц на что-нибудь другое! Иначе прогулку можно считать законченной. Дзынь! Призывный звук принадлежал паровозу, который тянул за собой несколько вагончиков. Семейство уселось, заняв половину мест. Они поехали мимо клеток с шумными попугаями и огромных загонов, где паслись яки, похожие на стога сена. Мир был водворён, усталые ноги отдохнули. Потом они долго бродили в павильонах, где звери были за стеклом. Можно было приставить ладонь к стеклу, и большущий страус тут же начинал клевать с той стороны.

- Смотри, у него глаза, как у Кати, - смеялась старшая дочь, - и голову он так же гордо держит!

- Ты только Кате об этом не скажи, - улыбалась Татьяна, - а то враз лишишься любимой подружки.

Но самое интересное — это обезьянки! Большие, поменьше и совсем крохотные, они ловко лазали

по канатам и лестницам, ели, дрались, баюкали малышей. Некоторые подходили к самому стеклу и смотрели на людей. У них были удивительно печальные мордочки, как будто эти забавные зверьки знали что-то такое, чего не знали люди. Татьяна долго стояла возле клетки, где быстро сновали маленькие игрунки. Одна из обезьянок, похоже, мама беспокойного семейства, в какой-то миг замерла прямо посреди быстрого движения, как будто застыла. Татьяне показалось, что она услышала тяжелый вздох. Медленно, как в полусне, обезьянка сползла вниз, присела на веточку, скрестив маленькие лапки на коленях.

- Мама, а ты тоже так иногда сидишь! — громко воскликнула непосредственная Надя.

Татьяна улыбнулась, но сказала строго:

- Что это за сравнения? Пошлика на пруд.

Пруд был самой красивой частью зоопарка. Его окружали ивы, макавшие свои позолоченные ветви в воду, красные, багряные клёны, ещё какие-то неведомые, но прекрасные в осенних нарядах деревья и кусты. Семейство приселло на скамейку. Пора перекусить, тем более, что и в зоопарке начался обед. Детки весело сметали бутерброды, яблоки, запивали компотом и чаем из термоса. А на десерт — сахарная вата! Это немудрёное лакомство доставляло всем искренне удовольствие. А в пруду царило необычайное оживление. Утки всех цветов и размеров торопливо ныряли, выставляя дрожащие хвостики, чтобы поймать корм первыми. Важные лебеди с красными клювами, изящно выгибали шеи, время от времени опуская их в воду, чтобы добыть лакомые кусочки или подхватывали корм на лету. Мелкие тонконогие птички с длинными острыми клювами суматошно бегали по берегу, толкались вокруг кормушек, пищали, пританцовывали. Огромные пеликаны, расправив крылья, опускались в воду, как парусники, ныряли, выныривали, поднимая тучи брызг. Ма-

ленькие уточки живо отплыли подальше. Но и пеликанам пришлось уступить место нарядным фламинго. Они шли не торопясь, все вместе, как удивительное розовое войско. И только высокие цапли невозмутимо стояли в воде, время от времени опуская длинные клювы и выискивая добычу.

Татьяна прошла вдоль кромки пруда, до старой ивы. Там, под жёлтыми листьями, укрывалось семейство нарядной уточки-каролинки. Утка-папа и утка-мама без устали плавали вокруг шестерых коричневых утят. Яркий самец иногда отплывал подальше, быстро нырял несколько раз и с полным клювом возвращался, чтобы накормить семейство. Как только шумные пеликаны подвигались поближе, уточки с тревожным кряканьем отплывали подальше, под прикрытие веток гостеприимного дерева.

Татьяна услышала, как дети

смеются и зовут её. Что там такое? Оказывается, тонконогие птички, похожие на мелких цапель, наелись и затеяли забавную игру. Они забегали в воду и караулили уток. Как только те ныряли, и над водой торчали только подрагивающие хвостики, мини-цапли острыми носами хватали их за хвосты. Утки немедленно выныривали и возмущено крякали.

- Как первоклассники на перемене, - смеялся Стёпа, он-то уже в четвёртый перешёл, большой.

После пруда они пошли к гепардам и пантерам, вдоволь налюбовались удивительной грацией этих огромных кошек. Потом ещё были белые медведи. Они плавали в большом бассейне, то медленно, лениво, то вдруг стремительно ускорялись, как огромные белые торпеды. Не хотелось уходить, но вечер надвигался стремительно, солнце из желтого становилось

красноватым, добавляя своих красок к осеннему буйству.

- Домой, домой пора, - несколько раз, уже строжая голосом, - повторила Татьяна.

Семейство выкатилось из ворот, хором сказали «спасибо» улыбчивой контролёрше и поспешили к метро.

- Не зря день прошёл? — улыбнулась Татьяна.

- Не зря, - уверенно ответила Надюша.

- Мам, а я этот день в копилку положу — сказала Светочка.

- В какую копилку?

- В такую... В счастливую. У меня внутри такая копилка есть. Когда что-то хорошее бывает, или радостное, или красивое, я это туда всё складываю. Когда грустно — можно из копилки достать хорошее — и сразу весело становится.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЦЫ

- Это ты здорово придумала, - одобрил сестру Стёпа, - я тоже себе такую копилку заведу.

Татьяна остро вспомнила, как наяву увидела себя за руку с мамой. Они выходят из осеннего парка, где гуляли целый день. Она, Таня, думала тогда, крепко сжимая мамину руку: «Это такой замечательный день. Я хочу его сохранить, чтобы он всегда был со мной».

- И у меня такая копилка есть, - тихо сказала она.

Вечером, когда полное впечатлений семейство прибыло домой, наперебой рассказали папе обо всём, что увидели за день, и усталые, стали готовиться ко сну, Татьяна заглянула к старшей дочери. Она торопливо доделывала уроки.

- Хороший был день сегодня, правда? - сказала Татьяна, слегка погладив её по голове.

- Да, - согласилась Сима, - в зоопарке так здорово было. Только вот цыплята... Хорошо ещё, что Надя не увидела, как в клетку к ушастой лисе положили цыплят. Я её тогда к обезьянам увела.

- Каких цыплят?

- Совсем маленьких, жёлтых. Они уже неживые были. Лисе, конечно, надо есть. Только жалко... А Надюшка всех жалеет. Она бы плакала.

Татьяна ещё раз погладила Симу по кудрявым волосам. Оказывается, главный подарок этого дня её ждал дома. Сима и Надя погодки, по жизни они больше соперничают, чем дружат, их ссоры часто сотрясают дом. Каждый раз, когда они выясняют, кто лучше, умнее, главное, у Татьяны как будто колючая льдинка царапает душу. А когда жалеют друг друга — праздник. Так, с ощущением праздника, она и заснула сегодня.

Ночью задул сильный ветер. Он сорвал с берёз во дворе всю роскошную позолоту, пригнал низкие серые тучи, спрятал солнце и выступил воздух. Утренние улицы покрылись зонтами. Люди были похожи на больших черепах под разноцвет-

ными панцирями. Сегодня ей не удастся пойти в любимый парк. Да и некогда. Отправив детей в школу, мужа на работу, Татьяна белкой завертелась по дому. Вчерашний праздник обернулся недоделанными делами. Успеть всё — это было в стиле Татьяны. Всю жизнь она стремилась выполнять любое дело только на «отлично». Прибрать на место разбросанные вещи, помыть, приготовить, протереть, ещё помыть, встретить, накормить, проводить... Незаметно спустились сумерки.

Женщина стояла у тёмного окна. За плотными рамами чуть слышно шуршал дождь. Он поливал с самого утра, вымочил дома и деревья, пузырил лужи, делал землю тяжелой и по-осеннему сонной. Осень. Ничего с этим не поделать. Никогда осень не навевала на неё грусть. Дождь успокаивал, помогал привести в порядок мысли. Ветер, треплющий деревья, напоминал о море и парусах. Почему же сегодня ей так грустно? Наверное, просто устала. За спиной громоздится доска с невыглаженным бельём, на кухне уже несколько раз пропищала микроволновка, напоминая о разморозившемся фарше. Скоро сбежится её семейство, закружит многозаболивший вечер. Надо продолжать дела. А она всё стоит и смотрит в мокрые сумерки. Выдохлась, как воздушный шарик после дня рождения — подумала Татьяна. Она быстро оделась и вышла на улицу. Осень, щедрая и добрая, придаст ей сил. Пройдусь немного, заодно и девочек встречу после занятий, решила она. Дочки любят, когда мама идёт навстречу. Они раскидывают руки и бегут по дорожке, как будто уезжали далеко и встретили маму после долгой разлуки. Они виснут на руках, припрыгивают рядом и торопятся рассказать обо всём, что случилось за день.

Дождь затих, как будто тоже устал за долгий день. Татьяна дошла до угла их большого дома. Там был её любимый уголок: несколько елей окружали берёзу с двойным стволом. Ей всегда казалось, что это престарелые тётушки в тёмных вдовьих одеждах оберегают юных

племянниц от сурового мира и осторожно выводят их в свет. Вот и сейчас только эти берёзы-близнецы, прикрытые еловыми лапами, сохранили остатки осеннего наряда. Татьяна почувствовала чьё-то прикосновение:

- Мам, а мы со Стёпой пришли, а тебя нет, - старшая дочь Сима, ростом уже с Татьяну, трогала её за плечо, а шустрый Стёпка уже залез на старый изогнутый клён.

- Как вы меня нашли? От подъезда же не видно?

- Да мы все твои любимые места знаем, мама! — радостно крикнул Стёпа, - они и наши любимые тоже.

- А вот и не все, - озорно улыбнулась мама, - есть у меня одно тайное местечко...

- Мы тоже хотим! — по дорожке бежали, раскинув руки, Надюша и Светочка, - пойдём.

- И меня возьмите, - из машины, улыбаясь, выходил папа.

И они пошли. По дорожке вдоль дома, потом в калитку, что вела в парк, больше похожий на лес. Когда они повернули на тонкую, едва приметную тропинку между большими берёзами, ещё покрытыми жёлтой листвой, из-под серых туч брызнули яркие солнечные лучи.

- Как в сказке, - заворожено выдохнула Света.

Ещё несколько шагов — и они на полянке. Вокруг — берёзы, сзади большие, потом берёзы-подростки, а впереди — юная поросль деток. Как будто золотая стена, слегка колеблемая ветерком. Предзакатное солнце добавило золота в цвет, капельки на листьях мерцали. Этую удивительную красоту хотелось пить, вдыхать, сохранить, не расплескав.

Домой пришли, когда солнце уже село. На улице стремительно темнело, как бывает только осенью. Ужин, уроки, немножко споров, немножко смеха — всё как всегда. Но каждый из них хранил в самой глубине души золотой свет осени.

Елена Попова

ИЗ ЖИЗНИ ПРИХОДА

По благословению Высокопреосвященнейшего Митрополита Новосибирского и Бердского Тихона 21 июня 2015г. на территории Казанского прихода в р.п. Краснообск было совершено освящение места под строительство первой очереди "Приходского дома".

Строительство дома давно планировалось. В нем будут проводиться занятия Воскресной школы, встречи, концерты, праздники. Здесь же будет располагаться библиотека, просфорня, трапезная и теплый туалет. Здание будет 1-этажное.

Оно очень нужно для дальнейшего развития приходской жизни.

Строится Приходской дом на пожертвования прихожан.

Желающим помочь, пожертвования просим перечислять по следующим реквизитам:

Церковь иконы Пресвятой Богородицы "Казанская" п.г.т. Краснообск Новосибирской области (Новосибирский район).

ИНН 5433102844; КПП 543301001

р/счет 40703810044030100112 в Сибирском банке Сбербанка России г. Новосибирск

кор./счет 3010181050000000641; БИК 045004641

Назначение платежа: пожертвование на уставную деятельность

Справки по телефону: 3485821

24 мая 2015 г. Крестный Ход к Дню славянской письменности

14 июня 2015 г. Поездка в с. Козиху в Михаило-Архангельский мужской монастырь

12 июля 2015 г. - Молодежный Крестный ход

18-21 июля престольные праздники Сергиево-Казанского храма.
Традиционный Крестный ход вокруг п. Краснообск